

18.263.9.118.

№ 65.

3. 18
II. 263.
II. 9.
№ 130.

ВОСПОМИНАНІЯ
О ПОХОДѢ ВЪ ТУРЦІЮ
ВЪ 1877—1878 г.г.

СВѢТОВЫЯ КАРТИНЫ КЪ НАСТОЯЩЕМУ ЧТЕНІЮ

(для школъ и народныхъ аудиторій):

1) Чтеніе манифеста о войнѣ.	21) Вступленіе войскъ въ Малыя Балканы.
2) Е. И. В. Великій Князь Николай Николаевичъ.	22) Видъ города Орханіе.
3) Османъ-Паша.	23) Подѣхъ орудій на Балканы.
4) Гвардейцы отправляются въ походъ.	24) Встрѣча русскихъ войскъ болгарами.
5) Музыканты и плясуны на военномъ поѣздѣ.	25) Походная кухня.
6) Плѣнные турки.	26) Турецкая позиція на перевалѣ Арабъ-Конакъ.
7) Прибытіе поѣзда въ Яссы.	27) Подѣмъ орудій на лямкахъ.
8) Барбошскій мостъ.	28) Извѣстіе о паденіи Плевны.
9) Турецкія укрѣпленія въ Русукъ.	29) Прокладка дороги въ Балканахъ.
10) Дунайскій мостъ близъ Зимницы.	30) Спускъ орудій съ горы.
11) Взятіе Габринскихъ высотъ при переправѣ черезъ Дунай.	31) Редутъ Ташкисенъ.
12) Государь Императоръ посѣщаетъ госпиталь.	32) Встрѣча русскихъ войскъ болгарскимъ духовенствомъ.
13) Фуражиры молотятъ кукурузу.	33) Пойманные турецкіе разбойники.
14) Гвардейцы на бивакѣ у костра.	34) Переправа русскихъ войскъ черезъ Марицу.
15) Генералъ Гурко.	35) Торжественный въѣздъ великаго князя главнокомандующаго въ Адрианополь.
16) Взятіе Горнаго Дубняка.	36) Генералъ Скобелевъ.
17) Транспортъ турецкихъ плѣнныхъ.	37) Заключеніе перемирія съ Турціей.
18) Артиллерія открываетъ огонь по турецкому редуту.	38) Видъ Санъ-Стефано.
19) Рытье траншей.	39) Возвращеніе войскъ въ С.-Петербургъ.
20) Государь Императоръ благодаритъ генерала Гурко за взятіе Горнаго Дубняка.	

Картины эти могутъ быть приобрѣтены въ Коммисіи:
раскрашенныя по 1 р. 25 к., черныя по 40 к.

Изданіе

ВОСПОМИНАНІЯ

О ПОХОДѢ ВЪ ТУРЦІЮ

ВЪ 1877—1878 г.г.

А. А. Берса.

Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію Постоянной Комисіи народныхъ чтеній.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. В. Леонтьева, Басковъ пер., д. № 4.
1913.

Воспоминаніе о походѣ въ Турцію

въ 1877—1878 г.г.

I.

12-го апрѣля 1877 года была объявлена Турціи война. Въ царскомъ Манифестѣ было сказано: «исчерпавъ до конца Наше миролюбіе, Мы повелѣваемъ Нашимъ доблестнымъ войскамъ вступить въ предѣлы Турціи». А миролюбіе Государя Александра Николаевича было въ то время дѣйствительно большое: онъ хотѣлъ мирнымъ путемъ достигнуть улучшенія жизни христіанъ, находящихся въ Турецкомъ подданствѣ. Для того онъ собралъ совѣтъ, на который всѣ европейскіе государи прислали своихъ уполномоченныхъ. Этотъ совѣтъ работалъ нѣсколько мѣсяцевъ и, наконецъ, выработалъ постановленіе, въ которомъ предлагалось Турціи дать нѣкоторыя льготы и права христіанамъ. Турція высокомерно отказалась исполнить это требованіе, несмотря на то, что въ это время у насъ на югѣ, въ Кишиневѣ, уже было на всякій случай готово войско подъ ружьемъ, при которомъ находился самъ Государь и главнокомандующій великій князь Николай Николаевичъ.

Всякое начатое доброе дѣло всегда надо кончать, а потому, во что бы то ни стало, надо было заставить Турцію принять это постановленіе. Эта тяжелая работа выпала на долю Россіи, природной, всегдашней заступницы всѣхъ угнетенныхъ славянъ, которая, такимъ образомъ, сама того вовсе не желая, должна была начать войну съ Турціей.

Войну начали безъ гвардіи, думая съ небольшимъ отрядомъ армейскихъ войскъ наказать непокорную Турцію; но Плевна задержала кампанію. Османъ-паша, извѣстный турецкій генераль, ухитрился такъ сильно укрѣпить всю гористую мѣстность около города Плевны, что попытки русскихъ войскъ взять эту мѣстность приступомъ были не совсѣмъ удачны. Тогда рѣшено было взять Плевну голодомъ; а для того надо было ее прежде всего со всѣхъ сторонъ окружить крѣпкимъ кольцомъ нашихъ войскъ; длина же этого кольца была разсчитана въ 60 верстъ.

Войскъ, необходимыхъ для такого непредвидѣннаго случая, оказалось недостаточно. Вотъ, Великій Князь Николай Николаевичъ и упротилъ Государя вытребовать въ Турцію свое *дѣтище*,—такъ называлъ свою любимую гвардію великій князь.

Извѣстіе о мобилизаціи гвардіи застало насъ всѣхъ врасплохъ; мы были твердо убѣждены, что въ Турціи справятся и безъ насъ; мы узнали о походѣ 22-го іюля. По всей обширной Россіи полетѣли телеграммы съ извѣщеніемъ о немедленномъ сборѣ безсрочно-отпускныхъ. Волостныя

правленія засуетились; списки отпускныхъ были у нихъ въ порядкѣ, но люди были въ разбродѣ, кто въ отхожемъ промыслѣ, а кто гдѣ-нибудь далеко, на постройкѣ желѣзной дороги.

Народъ прибывалъ въ Петербургъ довольно медленно; въ полкахъ началась спѣшка, надо было шить и мундиры, и сапоги, надо было сооружать обозъ, покупать лошадей. Кромѣ того начались ежедневныя ротныя ученія; надо было отвыкшихъ отъ службы людей снова приучать къ строю, что, впрочемъ, дѣлалось довольно скоро; по истеченіи нѣсколькихъ дней ихъ было уже трудно отличить отъ находящихся на службѣ. Какой-нибудь бородатый хохолъ Макаренко, который съумѣлъ въ деревнѣ обрости волосами словно лѣсовикъ, на другой же день былъ неузнаваемъ; онъ или сбиралъ совсѣмъ свою бороду, или же оставлялъ подстриженные бакенбарды.

Въ нашей ротѣ собралось шесть фельдфебелей; одинъ изъ нихъ былъ назначенъ настоящимъ ротнымъ фельдфебелемъ, а другимъ были розданы ружья, и они исполняли должность старшихъ унтеръ-офицеровъ.

Съ каждымъ днемъ рота росла и, наконецъ, доросла до своего настоящаго боевого состава, то есть до двухсотъ человѣкъ. Покуда рота формировалась, дни проходили скоро и разнообразно; но когда она уже была сформирована, тогда всѣхъ начала одолѣвать скука, и всѣ стали желать скорѣйшаго отправленія въ Турцію, гдѣ съ такимъ нетерпѣніемъ поджидалъ свою гвардію Государь Александръ Николаевичъ.

Наконецъ насталъ канунъ выступленія; нашъ полкъ былъ собранъ на молебствіе. Во время колѣнопреклоненія тишина была поразительная, всѣ точно замерли; минута была очень торжественная; всякій понималъ, что онъ безсиленъ отклонить то, что должно совершиться по волѣ Бога. Только въ этомъ смиреніи и можетъ человѣкъ обрѣсти душевный покой, столь необходимый на войнѣ для того, чтобъ быть храбрымъ.

На другой день, 28 августа, солдатики весело вышли изъ казармъ, распростились съ остающимися въ Петербургѣ товарищами, помолились Богу и двинулись къ вокзалу желѣзной дороги. По дорогѣ народъ снималъ шапки, желалъ намъ счастливаго пути и скорого возвращенія.

Надо было только удивляться, съ какимъ хорошимъ, спокойнымъ духомъ русскій солдатъ выступилъ въ походъ; онъ шелъ весело, точно выступалъ въ лагерь. Кто думаетъ о смерти, тотъ не будетъ веселъ; русскій же солдатъ предоставляетъ все на волю Божию и твердо помнитъ, что «двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать».

На платформѣ, отъ общихъ разговоровъ, было очень шумно, провожающихъ набралось очень много. Солдатскія жены были по-деревенски. Мужьямъ, конечно, было тоже не легко на душѣ, но они не отдавались этому тяжелому чувству, потому что имъ впереди предстояло большое и серьезное дѣло, о которомъ они все время думали. А одинъ солдатикъ прямо высказалъ то,

что было у него на умѣ; онъ сказать своей женѣ:

— Ты, баба, больно рано разревѣлась, ну, какъ я вернусь домой не одинъ, а съ Георгіемъ!

Людей размѣстили по вагонамъ; они сейчасъ же начали пѣть; ихъ пѣсня всѣхъ веселила и облегчала тяжелое разставаніе съ родными. Наконецъ, поѣздъ тяжело дрогнулъ, всѣ грянули ура, и мы тихо покатили.

Весь путь по желѣзной дорогѣ отъ Петербурга и до Дуная былъ скучный и однообразный. Люди повеселѣли только тогда, когда въѣхали въ малороссійскія арбузные губерніи. Въ то время арбузы были зрѣлые и поѣдались солдатами въ несмѣтномъ количествѣ.

На всѣхъ станціяхъ повторялось одно и то же; было много любопытныхъ, пришедшихъ изъ сосѣднихъ городовъ и деревень поглазѣть на рослыхъ гвардейцевъ, которые ухитрились устроить для нихъ потѣху, а для себя доходную статью, а именно: солдатики, конечно изъ болѣе шустрыхъ, составили оркестръ изъ бубенъ, дудки, мѣдныхъ тарелокъ и скрипки о двухъ струнахъ. На станціяхъ музыканты становились въ кружокъ и начинали играть плясовую, а ловкачи танцоры выдѣлывали ногами такіе выкрутасы, которые никогда не снились мирнымъ деревенскимъ жителямъ. Народъ тотчасъ же окружалъ музыкантовъ и охотно снабжалъ ихъ кто копѣйкой, а другой купчикъ и желтенькой бумажкой. Плясъ и музыка веселила народъ и помогала людямъ веселѣе смотрѣть на войну.

Буфеты на станціяхъ торговали бойко и походили послѣ ухода воинскаго поѣзда на ниву, поѣденную саранчей.

Разбѣжавшихся на станціи людей сзывали посредствомъ трубы, въ которую трубачъ трубиль сборъ. Здѣсь кстати упомянуть, что въ продолженіе всего пути у насъ не было ни одного бѣглаго, желавшаго улизнуть отъ похода.

Послѣ недѣльнаго пребыванія въ дорогѣ, люди уже начали путать числа и дни: а отъ постоянного сидѣнія въ вагонѣ до того устали, что на нихъ нашла спячка; они спали не только ночью, но и днемъ, кто на полу, а кто прислонившись головой къ плечу сосѣда.

На одной изъ станцій, вблизи отъ нашей границы съ Румыніей, дремлющіе солдатики были совсѣмъ неожиданно обрадованы подношеніемъ, которое имъ сдѣлалъ бывший офицеръ нашего полка, служившій въ это время тутъ-же на бессарабской желѣзной дорогѣ; онъ преподнесъ имъ нѣсколько большихъ мѣшковъ бессарабскаго табаку. Солдаты ожили, подѣлили табакъ между собой и не переставали говорить объ этомъ подаркѣ до самой границы.

На границѣ запахло ужъ не арбузами и не табачкомъ, а порохомъ. Люди встрепенулись, проснулись.

На пограничной станціи стоялъ большой поѣздъ съ нашими ранеными и плѣнными турками, которыхъ везли въ Россію. Солдатики жадно накидывались съ вопросами на всякаго, кто ѣхалъ изъ Турціи, а около плѣнныхъ турокъ образова-

лась толпа. Турки сидѣли, поджавъ ноги, на полу, и что-то грызли. Первая встрѣча съ турками видимо подѣйствовала на нѣкоторыхъ молодыхъ солдатиковъ. Одинъ солдатъ изъ шутниковъ, видя, что, его молодой товарищъ уперся въ нихъ глазами и стоялъ разинувъ ротъ, осторожно подошелъ къ нему и ущипнулъ его за ногу.

Молодой солдатикъ невольно вскрикнулъ; всѣ присутствующіе, въ томъ числѣ и турки, дружно разсмѣялись на эту шутку.

Турки были все народъ молодой, веселый, съ сильно загорѣлыми, добрыми лицами. Наши солдаты сейчасъ же пустились съ ними въ разговоры. Напримѣръ, одинъ солдатъ спрашиваетъ турку, гдѣ ихъ забрали въ плѣнъ? А турокъ въ отвѣтъ проситъ его знаками одолжить табачку. При этомъ оба улыбаются самой добродушной улыбкой и никакого зла другъ къ другу не питаютъ.

Другой солдатикъ подходитъ къ черномазому туркѣ и говоритъ ему: — Ну, братецъ ты мой, тебя встрѣтить въ лѣсу, такъ курокъ взведешь, — а турокъ ему въ отвѣтъ добродушно улыбается и прикладываетъ свою руку сперва ко лбу, а потомъ къ груди, желая этимъ показать, что преданъ ему мыслями и сердцемъ.

Мы переѣхали границу по мосту черезъ рѣку Прутъ и въѣхали въ страну нашихъ союзниковъ — румынъ. Переѣхать границу пустое, минутное дѣло; мѣстность такая же, какъ и по сю сторону рѣки, а между тѣмъ у каждого солдатика,

у кого побольше, а у кого поменьше ёкнуло сердце. Кто былъ послабѣе духомъ, тотъ прощался съ родиной, а кто былъ потверже, такъ тотъ разставался съ нею «до свиданія»; третьи заговорили и хвастались своими знаніями; они вспоминали Петра Великаго, который на этой рѣкѣ воевалъ басурмана.

Въ большомъ румынскомъ городѣ Яссахъ намъ пришлось сдѣлать дневку. Солдаты, при вступленіи въ городъ, подбодрились, подтянулись и показали, что называется, товаръ лицомъ; они вошли въ городъ молодцами. Румыны въ первый разъ увидѣли рослыхъ гвардейцевъ; какъ же тутъ не дивиться, когда другой румынъ былъ ниже нашего солдатака почти на аршинъ. Они съ любопытствомъ посматривали на насъ снизу вверхъ.

Насъ повезли дальше, два дня мы катили быстро по Румыніи и въ концѣ второго дня добрались до Дуная. Здѣсь мы вылѣзли ночью изъ вагоновъ и распростились съ чугунокъ, которая везла насъ изъ Петербурга до Дуная 16 дней.

Въ Румыніи намъ пришлось переѣхать по желѣзно-дорожному Барбошскому мосту черезъ рѣку Сереть; объ этомъ мостѣ солдаты уже давно слыхали, а потому всѣ до одинаго высунулись изъ оконъ, чтобы на него посмотреть. Я всегда удивлялся, откуда солдаты добываютъ такія свѣдѣнія; газетъ они ни читаютъ, за ходомъ войны въ подробностяхъ не слѣдятъ, а между тѣмъ о Барбошѣ знаютъ. Объясняю это тѣмъ, что такое лихое стоверстное передвиженіе нашей кавалеріи

въ одинъ день, которое она сдѣлала въ день объявленія войны, съ цѣлью занять этотъ мостъ, нельзя не знать всякому истинно русскому человеку. Если бы этотъ мостъ не былъ бы такъ живо занятъ, то турки навѣрно уничтожили бы его и тѣмъ нарушили бы намъ передвиженіе по желѣзной дорогѣ.

Нашъ первый бивакъ былъ безпокойный. Когда мы выходили изъ вагоновъ, то дождь лилъ какъ изъ ведра; насъ привели на одно мѣсто, гдѣ, кромѣ грязи и глины, ничего не было. Вотъ и соображай, какъ тутъ провести ночь. Нашъ православный солдатикъ никогда не потеряется; онъ сейчасъ же раздобылъ гдѣ то топливо, разжегъ костры и началъ варить себѣ въ манеркахъ кашу.

Спать въ эту ночь было невозможно; на бивакѣ стоялъ шумъ, напоминавшій ярмарку. Къ тому же солдатикамъ было не до сна; они чувствовали, что вблизи течетъ Дунай, тотъ Дунай Ивановичъ, про который поется въ пѣсняхъ, тотъ Дунай, про который рассказывали имъ ихъ отцы, бывшіе здѣсь и бившіе басурмана.

Къ утру погода разъяснилась, и мы увидѣли Дунай. Люди не спускали съ него глазъ; по ту сторону рѣки виднѣлась крѣпость Рушукъ, а не далеко отъ нея бѣлѣли турецкія палатки. Изъ-за горы торчало много-много какихъ-то высокихъ бѣлыхъ трубъ—это были турецкія церкви въ городѣ Рушукѣ. Всякій изъ насъ чувствовалъ, что здѣсь вправду пахнетъ и порохомъ, и турками, и Дунаемъ.

Турки, точно нарочно, желая насъ потѣшить, открыли огонь по нашему берегу; съ нашей стороны имъ посылались рѣдкіе отвѣты.

На слѣдующее утро, еще зѣтемно, началось на бивакѣ сильное движеніе; людей повели въ темнотѣ завтракать куда то внизъ подъ гору къ котламъ; дежурные по ротамъ выкликали къ ротнымъ командирамъ фельдфебелей, деньщики вздували самовары, а остывшія, голодныя лошади ржали изо всѣхъ силъ. Когда разсвѣло, тогда было совершено напутственное молебствіе.

Съ этого дня, можно сказать, началась настоящая походная жизнь, то есть мы пошли на своихъ собственныхъ ногахъ и начали бороться на жизнь и смерть какъ съ непріятелемъ, такъ и со всякими невзгодами походной жизни; только съ этого дня можно было положить вѣрную оцѣнку людямъ. Въ вагонахъ всѣ они были равны, всѣ одинаково ѣли арбузы, курили табачекъ, всѣ одинаково много спали; а въ мирное время можно легко ошибиться въ солдатѣ; про другого солдата, ловкача, ухара, балагура, думаешь, что онъ-то и есть настоящий боецъ; не тутъ то было; настоящимъ умнымъ, храбрымъ боевымъ солдатомъ вдругъ оказывается тихоня, плюгавенькій, мягкій солдатикъ; онъ вдругъ сразу сѣумѣлъ въ походѣ вырасти въ глазахъ начальства. Вообще говоря, въ мирное время, когда человѣку сытно и тепло, не хитро быть и въ духѣ и веселымъ. Я всегда удивлялся добродушію, безобидности и терпѣнію русскаго солдата, съ которымъ онъ переносилъ всѣ невзгоды похода. А главное,

его ничѣмъ не удивишь: нѣтъ хлѣба, онъ сѹмѣетъ и поголодать; когда холодно, онъ пляшетъ у костра, а когда очутится въ опасности — то сѹмѣетъ уповать на Бога, а вмѣстѣ съ тѣмъ сѹмѣетъ и неплотать. Я всегда завидовалъ смиренію, которое онъ выказывалъ во всѣхъ этихъ случаяхъ.

Три дня шли мы вдоль Дуная, покуда не дошли до деревни Зимницы, гдѣ былъ устроенъ мостъ черезъ Дунай. Говорятъ, что у насъ въ Малороссіи бываетъ такая черноземная грязь, въ которой можно потопить коня; не даромъ же существуетъ тамъ городъ Конотопъ, но въ Румыніи грязь будетъ почище; въ эти три дня не однажды приходилось намъ видѣть утонувшія въ грязи телѣги вмѣстѣ съ волами.

Не было ни единого солдата, который не зналъ бы Зимницы, гдѣ была сдѣлана 15-го іюня первая переправа нашихъ войскъ на турецкій берегъ въ присутствіи Государя Александра Николаевича. Увидя Зимницу, всѣ люди повеселѣли. Нашъ бивакъ былъ раскинутъ на самомъ берегу Дуная; въ этомъ мѣстѣ рѣка была шириною съ версту; вода же была отъ проливныхъ дождей очень мутная и негодная для пищи.

Всѣ солдаты бросились къ водѣ: началась стирка бѣлья, мытье, купанье лошадей; всѣ были рады пополоскаться въ водѣ, да къ тому же, не въ обыкновенной, а въ Дунайской. Солдатики поѣли и, покуривая трубочки, усѣлись небольшими кучками около воды на песочкѣ; они по-

смастривали на тотъ крутой берегъ рѣки и о чемъ-то тихо бесѣдовали. Я подсѣлъ къ одной кучкѣ и подслушалъ ихъ разговоръ.

Одинъ солдатикъ изъ грамотныхъ рассказывалъ о томъ, какъ нашимъ храбрецамъ, во время ночной переправы, было трудно и жутко влѣзать и карабкаться по крутымъ горамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выбивать изъ нихъ турокъ. Я спросилъ солдатика, откуда онъ все это знаетъ; солдатъ отвѣтилъ, что его родной братъ участвовалъ въ этомъ лихомъ дѣлѣ и написалъ ему два письма, причѣмъ онъ вынулъ одно изъ нихъ и подаль его мнѣ. Письмо было замаслено, пахло махоркой, да къ тому же было неразборчиво написано; я попросилъ солдата передать мнѣ его содержаніе на словахъ. Я запомнилъ его рассказъ и могу его передать. Его братъ писалъ, что во время переправы, безъ всякой команды «смирно», люди присмирѣли сами; вокругъ была гробовая тишина, среди которой можно было только услышать, какъ весла загребали воду. На непріятельскомъ берегу было тоже тихо; турки спали и вовсе не ожидали нашей переправы. Вдругъ потревоженные лодками гуси поднялись въ темнотѣ съ рѣки и громко загоготали. Ихъ громкій крикъ всѣхъ передернулъ: а ну какъ турки смекнуть, въ чемъ дѣло? Къ счастью, они не смекнули, но когда наши первыя команды высадились на берегъ, тогда только послышались одиночные выстрѣлы турецкихъ аванпостовъ, почуявшихъ бѣду. Немного погодя, турки открыли сильный огонь; но они стрѣляли не цѣ-

лясь, потому что ночь была — хоть глазъ выколи.

Наши полѣзли въ гору, твердо помня, что впереди непріатель, а назади Дунай, значить отступленія нѣтъ; смерть впереди, смерть позади, выбирай любую. Всѣ команды перепутались, начальники распоряжались въ темнотѣ не своими частями, а дѣло, несмотря на то, кипѣло дружно. Всю ночь перевозили наши войска и орудія. Турки не выдержали нашего приступа и отступили, а на другой день Государь уже былъ на томъ берегу и раздавалъ самъ лично отличившимся Георгіевскіе кресты. Этотъ рассказъ солдата былъ совсѣмъ правдивый; да оно иначе и быть не могло; нашъ русскій солдатъ, если молчить, такъ молчить, а если говорить, то, значить, говорить правду.

Въ этотъ памятный день, когда нашъ полкъ подошелъ къ Дунаю, солдатики долго не могли успокоиться. Уже давно стемнѣло, затрещали костры, а они все не отходили отъ рѣки.

II.

На другой день, 18-го сентября, мы перешли черезъ Дунай по мосту на непріательскую землю. Съ утра насъ выстроили побаталіонно возлѣ самой рѣки. Командиръ полка сказалъ каждому баталіону напутственное слово, мы обна-

жили головы, совершили крестное знаменіе и направились къ мосту, сооруженному совсѣмъ просто, изъ плотовъ съ досчатою на нихъ простилкою; мутная вода быстро неслась подъ нашими ногами и слегка туманила намъ голову.

Перейдя мостъ, мы начали подыматься въ гору; на каждомъ шагу намъ попадались слѣды сраженія, бывшаго въ памятную ночь переправы: тутъ валялись патроны, пустыя гильзы, грязныя турецкія фески и армейскія русскія кэпи, тряпки и всякая мелочь. Солдаты интересовались всякой находкой и осматривали ее со всѣхъ сторонъ.

Намъ навстрѣчу ѣхалъ рысью братушка въ телѣгѣ, запряженной тремя осликами; солдатики сейчасъ же его обступили. Какъ братушку, такъ и осликовъ они увидѣли въ первый разъ въ жизни. Братушка говорилъ по болгарски, а наши солдатики его хорошо понимали. Одинъ солдатикъ присталъ къ нему, чтобъ онъ перекрестился; болгаринъ исполнилъ его просьбу. — Перекрестись еще разъ, — продолжалъ приставать къ нему тотъ же солдатъ: болгаринъ опять перекрестился. — Да будетъ съ тебя, присталъ какъ банный листъ, — рѣшилъ фельдфебель, — вѣдь видать, что христіанинъ.

Осликовъ солдаты теребили за уши, а братушку всего осмотрѣли, разглядывали его баранью шапку; а одинъ солдатикъ ее даже понюхалъ.

У болгарина на поясѣ висѣли какіе-то щипчики; братушка объяснилъ намъ, что беретъ ими

угольки для закуриванія трубки. Солдаты не могли удержаться отъ дружнаго смѣха; а братушка смѣялся вмѣстѣ съ ними. — Ишь ты, модникъ какой, лапы то всѣ въ музлахъ, а угля взять не хотятъ, — сказалъ одинъ солдатъ. — Вотъ такъ графъ, музольная бѣлоручка! — сказалъ другой.

Первая болгарская деревня, въ которой намъ пришлось ночевать, поразила нашихъ солдатъ; они думали найти тамъ, какъ и во всякой русской деревнѣ, хлѣбушка, соломки, табачку; но деревня оказалась разрушенной до самаго тла. Турецкіе жители деревни убѣжали, а болгары убрали свои семейства и скотъ въ такія укромныя мѣста, куда не могъ проникнуть ни турецкій, ни русскій солдатъ. Мимо этой деревни прошло не мало войска; всякому, конечно, хотѣлось поѣсть чего-нибудь горячаго; а гдѣ взять дровъ? сперва начали разносить плетни, крыши, а потомъ и стѣны. Этимъ путемъ разрушались деревни безъ всякаго злого умысла.

Въ деревнѣ, гдѣ мы ночевали, мы нашли только священника, блѣднаго, тощаго, который не рѣшился покинуть Святую обитель; онъ молча и уныло смотрѣлъ на проходящихъ мимо него гвардейцевъ. Отъ него мы узнали, что впереди никакихъ лавочекъ, никакой провизіи мы не найдемъ; жители убѣжали, а деревни разрушены. Солдатики слегка повѣсили носъ и задумались надъ тѣмъ, что видно придется беречь всякую заплѣснѣвшую корку хлѣба.

День былъ жаркій; люди до того обрадовались воспом. о пох. въ турцію.

лись, найдя въ этой деревнѣ чудную, холодную горную воду, что намъ пришлось силой отры-
вать ихъ отъ родника, дабы они не опились
ею. У турокъ считается любезнымъ дѣломъ для
Бога, если кто-нибудь устроить хорошій водо-
пой какъ для людей, такъ и для скота; такъ
что по всей Турціи нигдѣ мы не бѣдствовали
отъ недостатка хорошей воды.

Въ этой деревнѣ я купилъ себѣ подъ вьюкъ
у проѣзжаго болгарина маленькаго ослика, ко-
торого сдалъ моему денщику. Солдатики сей-
часъ же подняли денщика на смѣхъ, говоря,
что теперь оселъ будетъ погонять осла. Моло-
дой денщикъ, по своей глупости, счелъ для себя
оскорбительнымъ быть погонщикомъ ослика; а
въ концѣ похода, когда ему пришлось разста-
ваться съ нимъ, то онъ чуть не плакалъ.

Не дай Богъ, когда ночью около палатки
начнетъ ревѣть осликъ: его ревъ можетъ раз-
будить мертваго; но и тутъ солдатики придумалъ
ловкую штуку; на ночь ему привязывали къ
хвосту камень, въ виду того, что одновременно
съ ревомъ осликъ имѣетъ привычку поднимать
хвостъ; ну, а съ камнемъ его скоро не поды-
мешь, такъ что осликъ, желая ревѣть и въ то
же время чувствуя камень, сейчасъ же успо-
коивался.

Со ржанымъ хлѣбомъ пришлось солдатику
совсѣмъ проститься; ему стали выдавать ячмен-
ный хлѣбъ и ржаные сухари. Вотъ тутъ многіе
и вспомнили о ржаной краюхѣ...

Около нашего бивака вся мѣстность была

изрыта ровиками, которые были вырыты турками для ихъ прикрытія во время отступленія. Солдаты подходили къ нимъ, чтобы посмотрѣть, какъ это въ серъезъ ихъ роютъ, и рѣшили, что въ Красномъ Селѣ ровики не такъ глубоки; а одинъ шутникъ сказалъ: — «Хотя дуля и дура, а все-таки она лучше всѣхъ выучить, какъ ихъ надо рыть».

Въ семи верстахъ отъ нашего бивака жилъ Государь, который, когда узналъ о нашемъ приходѣ, сейчасъ же пріѣхалъ къ намъ на бивакъ. Люди не успѣли оправиться, были въ пыли; въ такомъ походномъ видѣ и встрѣтили Царя. Лицо Его Величества показалось намъ похудѣвшимъ; видно было, что онъ ведетъ тяжелую походную жизнь наравнѣ съ другими. Государь вѣхалъ въ середину полка, люди его окружили. Милостиво бесѣдуя съ нижними чинами, Царь высказалъ радость увидѣть въ Турціи гвардейцевъ.

Царь жилъ совсѣмъ просто въ небольшомъ уцѣлѣвшемъ турецкомъ домикѣ; возлѣ этого домика былъ расположенъ пѣшія и конный его конвой. Проѣзжія никоимъ образомъ не могъ бы догадаться, что въ этихъ развалинахъ живетъ Царь великой земли Русской. Государь ѣздилъ ежедневно въ госпиталь навѣщать больныхъ и раненыхъ и часто угощалъ ихъ своими папиросками; это была его любимая прогулка.

На этомъ бивакѣ пришлось солдатикамъ немного поголодать по своей собственной винѣ. Дѣло въ томъ, что каждый изъ нихъ передъ выступленіемъ получилъ по 6-ти фунтовъ су-

ходило съ тесаками рубить по цѣлымъ часамъ толстые стволы деревьевъ. На рукахъ появлялись мозоли, но за то костеръ горѣлъ ярко и жарко до самаго утра.

Однажды, видимъ, по дорогѣ, стоитъ ометъ соломы; а возлѣ омета былъ сложенъ скирдъ пшеничныхъ сноповъ, на немъ сидѣлъ братушка съ оглоблей въ рукахъ и помахивалъ ею какъ кнутикомъ. Храбрый болгаринъ отстаивалъ свое добро и видимо понравился всѣмъ солдатикамъ.

Въ одной деревнѣ мы нашли нѣсколько болгарскихъ семействъ, не побоявшихся остаться въ своихъ избахъ; это были храбрецы, подобные тому, который сидѣлъ съ оглоблей на скирдѣ. Мы даже видѣли, какъ они молотятъ хлѣбъ; они раскладывали снопы на току, а лошади и ослики топтали ихъ своими ногами. Хлѣбъ пекутъ болгары не иначе, какъ въ золѣ; да у нихъ и печекъ нѣтъ, огонь разводятъ они на земляномъ полу избы, а надъ огнемъ виситъ котелокъ для варева; вотъ и вся ихъ кухня!

Дожди до того размывали дороги, что обозъ сталъ порядкомъ отставать, такъ что съ сухарями пришлось обращаться весьма бережно. Другой разъ выдадутъ сухарей дней на пять; солдатики и начнутъ ихъ дѣлить на пять кучекъ, чтобъ прикинуть глазомъ, сколько они могутъ съѣсть въ день.

Въ каждой ротѣ было по парѣ рослыхъ обозныхъ лошадей, но часто у нихъ не хватало силъ, чтобъ справиться съ болгарской черноземной грязью; пришлось прикупить у проѣзжаго

румына третью, совсѣмъ маленькую, казавшуюся, въ сравненіи съ ротными лошадьми, жеребеночкомъ. Эта лошадка оказалась незамѣнимой въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось гдѣ нибудь въ оврагахъ вытаскивать повозки. Солдаты ее очень полюбили за ея добрый нравъ и подкармливали ее, кто заплѣснѣвшей коркой, а кто кусочкомъ сахара.

Какъ-то разъ мы услышали вдали орудійную перестрѣлку; у всѣхъ ушки были на макушкѣ. Намъ вѣрить не хотѣлось, когда намъ сказали, что мѣсто, гдѣ происходитъ дѣло, находилось отъ насъ въ пятидесяти верстахъ. Вотъ какъ далеко можетъ нестись промежъ горъ гулъ отъ орудійныхъ выстрѣловъ!

Наконецъ мы дошли до такой деревни, дальше которой уже нельзя двигаться, такъ какъ впереди были уже турецкіе аванпосты. И такъ добрались мы до басурмана; всѣ чувствовали, что вотъ еще одинъ шагъ, и придется съ нимъ сѣлится. На другой же день, всѣ, у кого была лошадка подъ рукой, поѣхали посмотрѣть на турокъ, отъ которыхъ насъ отдѣляла довольно большая рѣка. За рѣкой былъ ясно видѣнъ большой редутъ, Горный Дубнякъ, въ которомъ, по слухамъ, сидѣло до трехъ тысячъ турокъ; а за этимъ редутомъ шла большая дорога въ Плевну, по которой въ самое это время двигался большой турецкій обозъ съ провіантомъ. Обидно было смотрѣть, какъ у насъ подъ носомъ турки безнаказанно, подъ защитою этого редута, снабжали Плевну и сухарями и снарядами.

Для того же, чтобъ прекратить ихъ дерзость надо было во что бы ни стало сломить этотъ редутъ, а безъ многочисленной пѣхоты сдѣлать это было до сихъ поръ невозможно; хотя нашъ полкъ и былъ въ это время въ первой линіи, но съ однимъ полкомъ нельзя было начинать дѣла; пришлось дожидаться, покуда не подойдутъ другіе полки.

Въ то время былъ октябрь мѣсяцъ; погода вдругъ измѣнилась къ лучшему, а днемъ было даже жарко, люди ходили въ гимнастическихъ рубашкахъ и прятались отъ солнца въ палаткахъ; но ночью вода слегка замерзала, такъ что утромъ люди выскакивали изъ палатокъ какъ пуля. Нашлись и такіе храбрецы, которые не побоялись выкупаться въ рѣчкѣ, протекавшей возлѣ бивака.

Въ такой близости отъ непріятеля, надо было быть все время на чеку, а потому всѣ люди находились постоянно въ ожиданіи тревоги. И дѣйствительно, какъ-то однажды, гдѣ-то впереди началась горячая перестрѣлка. Люди побросали недоваренную кашу и въ десять минутъ баталіоны уже были готовы къ бою. Эта была наша первая тревога вблизи непріятеля; солдаты, въ виду дѣла, начали щелкать затворами, чтобъ убѣдиться въ ихъ исправности.

Насъ двинули, но вскорѣ же вернули на прежнее мѣсто, такъ какъ перестрѣлка прекратилась. Оказалось, что это забавлялись между собою турецкіе и русскіе каваллерійскіе аванпосты; стоять безъ дѣла скучно, вотъ они и

надумали другъ друга попугать; а вѣдь издали казалось, будто затѣялось цѣлое дѣло.

На бивакѣ снова зажглись костры, снова началась варка, тревоги точно и не бывало.

Нашему баталіону пришлось однажды стоять на аванпостахъ; тамъ превесело стоять: все время на сторожѣ, а время летить быстро. Кто стоитъ въ самомъ переди, такъ тотъ, конечно, долженъ смотрѣть, что называется, въ оба: въ сомкнутыхъ же частяхъ всѣ, конечно, тоже на готовѣ, но сидятъ около маленькихъ костровъ, и всякій мастерить себѣ что нибудь для ѣды. Солдатики отлично умѣютъ коротать время на аванпостахъ; одинъ принесъ съ поля снопъ пшеницы, намолотилъ зерна, растеръ въ муку и приготовилъ себѣ галушки; другой принесъ съ бахчи тыкву и помѣшалъ ее съ кашей; третій напьется до тошноты кирпичнаго въ плиткахъ чая. А были и такіе ловкачи, которые ухитрились гдѣ нибудь въ оврагѣ словить какого нибудь бродившаго бездомнаго вола; такихъ воловъ ходило не мало по той гористой мѣстности, въ которой мы стояли. Нѣкоторые вола были подкованы; въ Болгаріи рабочій скоть, вола, буйвола, ослики, подковываются также, какъ и лошади. Эти вола тутъ же поѣдались на аванпостахъ.

Вечеромъ показались у непріятеля огоньки: турецкіе аванпосты, какъ и мы, грѣлись у костровъ и варили себѣ рисъ; гречневой каши они вовсе не знаютъ.

Наши солдатики, въ свободное отъ службы время, пробовали охотиться за домашними гу-

сями, которыхъ паслось по сосѣдству не мало; но охота не удавалась; гусей такъ напугали, что при приближеніи человѣка, они съ крикомъ подымались и улетали вдаль, словно дикіе. Съ курами было то же—онѣ выучились летать какъ тетерева; видно и птица умнѣетъ на войнѣ.

Наконецъ дождались мы прихода другихъ полковъ. Весь нашъ отрядъ былъ порученъ храброму генералу Гурко. Генералъ пріѣхалъ къ намъ на бивакъ и сказалъ намъ, что завтра гвардейцамъ предстоитъ случай показать себя; онъ просилъ людей побольше, да получше работать штыкомъ, безъ котораго трудно выгнать турку изъ окоповъ; но разъ уже выбитый изъ нихъ, онъ, по словамъ генерала, бѣжитъ опрометью. Кромѣ того, генералъ заявилъ намъ, что мы пойдемъ въ дѣло безъ ранцевъ и велѣлъ сложить ихъ тутъ же въ деревнѣ. Люди грянули дружное «ура» и начали готовиться къ выступленію; вещи не очень нужны оставили въ ранцахъ, а болѣе необходимы разложили по мѣшкамъ и устроили ихъ для носки черезъ плечо на веревочкѣ.

Офицерскіе денщики, ѣздившіе вдаль за сѣномъ, видѣли, что неподалеку отъ насъ было собрано Краснымъ Крестомъ нѣсколько сотъ воловьихъ подводъ для перевозки будущихъ раненыхъ. Это извѣстіе какъ будто слегка всѣхъ передернуло, но здравый смыслъ русскаго солдата сейчасъ же взялъ перевѣсъ. Слава Богу, рѣшилъ онъ, что Красный Крестъ заблаговременно заботится о тѣхъ, кого уже намѣтила

судьба. Вообще же, солдатъ мало интересовался тѣмъ, что его ждетъ впереди; онъ зналъ твердо только одно, кого ему прикажутъ бить, того онъ и будетъ бить, на то его и привезли сюда.

Съ вечера было молебствіе, которое придавало солдатiku и бодрости и храбрости. Всѣ залегли спать рано, но спалось плохо. Еще затемно поднимали людей; люди собрались и, готовые къ выступленію, стояли у догоравшихъ костровъ. Кто-то поджогъ ради шутки въ нѣсколькихъ мѣстахъ солому; солома запылала, а турецкіе патроны, которые турки при отступленіи, вѣроятно, теряли и которые незамѣтно лежали въ травѣ, начали трескаться; а одному солдатiku такая пуля врѣзалась въ руку. Начальство бросилось къ горящей соломѣ и приказало тушить огонь, боясь, что турки примѣтятъ пожаръ и смекнутъ о нашемъ наступленіи. Но потушить пожаръ было уже невозможно; огонь освѣтилъ всю мѣстность. Виновныхъ трудно было найти, но если бы таковой нашелся, то ему бы не сдобровать за такую шалость, которая могла повліять на успѣхъ дѣла.

Насъ двинули въ темнотѣ; нашъ полкъ шелъ въ хвостѣ колонны быстро, разговоровъ было мало, всякій шелъ «себѣ на умѣ». Мы добрались до рѣки; люди, не смотря на холодную ночь, разулись и перешли ее въ бродъ. За рѣкой мы продолжали наступать. Начало свѣтать. Впереди и влѣво отъ насъ слышалось нѣсколько отдѣльных выстрѣловъ, и вслѣдъ за

тѣмъ, адская трескотня изъ ружей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и орудійные выстрѣлы.

Гдѣ идетъ дѣло, туда и надо идти; это мы и сдѣлали. Мы шли до тѣхъ поръ, пока не увидѣли редуть; тогда насъ остановили, а людямъ приказано было лечь и отдохнуть; но мало, кто этимъ воспользовался; люди впились глазами въ редуть и слѣдили за тѣмъ, что тамъ происходило. Многаго нельзя было разглядѣть, редуть былъ весь въ облакахъ порохового дыма; но все-таки мы видѣли, какъ турки выбѣгали изъ левыхъ окоповъ и спасались въ редутѣ. Наша пѣхота, открывъ сильный огонь, напирала на редуть. Подойдя совсѣмъ близко къ нему, наши солдатики залегли вокругъ него въ ровики. Огонь все время не прекращался. На этомъ дѣло покуда остановилось.

Нашъ полкъ былъ въ резервѣ, въ одной верстѣ отъ редута; мы были все время готовы и ежеминутно ожидали, что насъ вызовутъ на подкрѣпленіе. Но посчастливилось не намъ, а другому полку, стоявшему тоже въ резервѣ, возлѣ насъ. Мы видѣли, какъ люди живо вскочили, перекрестились и весело направились туда, гдѣ шло горячее дѣло.

Наши люди до того утомились отъ бессонной ночи и отъ душевныхъ волненій, что многіе изъ нихъ даже заснули; а денщики, не теряя даромъ времени, раздобыли воды, вскипятили воду и угощали офицеровъ чаемъ. Къ вечеру перестрѣлка начала по-немногу стихать и наконецъ вовсе прекратилась. Всѣ турецкія вой-

ска собрались въ редутъ, а наши войска, залегши вокругъ него въ полѣ, окружили его со всѣхъ сторонъ. Какъ тѣ, такъ и другіе замолкли: мы же въ резервѣ попивали чаекъ, а нѣкоторые солдатики даже начали варить себѣ кашу; въ случаѣ тревоги, вылить ее не долго.

Забавно то, что во время дѣла, мы пили чай и дремали; но еще забавнѣе то, что солдаты, бывшіе въ дѣлѣ, и залегшіе въ ровикахъ около самаго редута, спокойно грызли сухари и засыпали отъ усталости.

Въ этотъ день подъ Плевной безостановочно гремѣли наши орудія съ цѣлью удержать Османа въ Плевнѣ, если бы онъ вздумалъ оказать помощь Горному Дубняку.

Затишье продолжалось до темноты и напминало затишье передъ грозой. Вдругъ, гдѣ то крикнули «ура», люди подхватили, выскочили изъ ровиковъ и кинулись на приступъ. Снова началась трескотня изъ ружей, а нѣсколько минутъ спустя, уже шла рукопашная въ самомъ редутѣ. Турки побросали оружіе, попадали на колѣни и кричали: «аманъ! аманъ!» (Пощади, пощади!). Многіе изъ нихъ изъ страху начали даже креститься. Но тутъ было не до пощады; освирѣпѣвшіе солдатики распоряжались штыкомъ и прикладомъ. Трудно было остановить расходившихся людей. Мало по малу бой прекратился. Кто то поджегъ въ редутѣ палатки, шатры и шалаши; весь редутъ запылалъ... Обезоруженныхъ турокъ вывели изъ редута на ту дорогу,

по которой еще наканунѣ они такъ смѣло провозили въ Плевну провіантъ.

Вблизи редута былъ маленькій холмикъ; на немъ стоялъ плѣнный паша; его окружали наши генералы и офицеры, которые бесѣдовали съ нимъ и хвалили храбрость его войскъ. Ночь была темная, хотъ глазъ выколи; въ рукахъ у многихъ были фонари, которые освѣщали этотъ холмикъ.

На этомъ же холмикѣ стоялъ одинъ солдатъ съ турецкимъ знаменемъ въ рукахъ, которое онъ захватилъ у турокъ. Онъ охотно всѣмъ рассказывалъ, чуть ли не въ сотый разъ, какъ это случилось. Многіе генералы его цѣловали.

Вокругъ этого холмика понемногу стали показываться огоньки, а вскорѣ же запылали и большіе костры; проголодавшіеся люди стали варить себѣ кашу.

Нашей ротѣ пришлось въ эту ночь караулить 500 плѣнныхъ турокъ, солдатъ и офицеровъ. Мы ихъ окружили цѣпью. Плѣнные сидѣли вокругъ костровъ, человѣкъ по десяти около cadaго, и все время грѣли руки; ночь была свѣжая, а ихъ шинели сгорѣли въ редутѣ. Наши солдаты вошли въ оцѣпленіе, подсѣли къ кострамъ и между ними и турками пошли самые милые разговоры. Мнѣ помнится, какъ одинъ изъ нашихъ присталъ къ туркѣ, чтобъ онъ сказалъ сколько у него женъ. Турка сейчасъ же понялъ, что дѣло идетъ о женщинахъ и отвѣтилъ, что у него всего только одна жена, причемъ онъ поднялъ свой указательный палецъ вверхъ, «Врешь, у

тебя ихъ, небось, цѣлыхъ три», сказалъ солдатъ; но турка объяснилъ ему, что паша «има» три жены (онъ поднялъ три пальца), а аскаръ «има» только одну.

Когда я увидѣлъ турокъ вмѣстѣ съ нашими солдатами, то я сейчасъ же подумалъ о той громадной разницѣ, которая существуетъ между ними. Турка безъ сомнѣнія не трусь, но онъ очень остороженъ, у него большое терпѣніе; дай ему сухарей, патроновъ и онъ въ какой нибудь мѣсяцъ просидитъ цѣлый мѣсяцъ, покуда его не вытурятъ оттуда штыкомъ. Онъ терпѣть не можетъ выходить въ поле, чтобъ помѣриться со врагомъ, а потому онъ чудно строить укрѣпленія, въ которыхъ онъ можетъ укрыться какъ кротъ. Русскій же солдатъ не можетъ долго копать въ землѣ, онъ думаетъ больше о томъ, какъ бы побить непріятеля, а турка думаетъ, какъ бы ему лучше укрыться. Русскій стрѣляетъ разсчетливѣе чѣмъ турка; когда же турка разъ ужъ побѣждалъ, то его и не догонишь. «Русскій солдатъ весь свѣтъ завоюетъ», сказалъ Скобелевъ, «только ему надо показать, какъ это сдѣлать».

Между плѣнными были очень тяжело раненые, но они смирно сидѣли у костровъ и молча терпѣли боль. У русскаго человѣка выдержка и терпѣніе большое, но турки, мнѣ кажется, еще терпѣливѣе и умѣютъ молча умирать, какъ никто.

Въ продолженіе всей ночи никто не смыкалъ глазъ. Къ утру плѣнные сильно отошались, они очутились безъ единаго сухаря, все пого-

рѣло въ редутѣ. Какъ тутъ быть? Ротный командиръ послалъ во все концы расторопныхъ людей, чтобы доложить начальству о желаніи турокъ поѣсть. Вскорѣ пріѣхали драгуны, которые и отвели плѣнныхъ туда, гдѣ выдавались сухари. Всѣхъ плѣнныхъ повели порядкомъ; впереди шелъ паша, за нимъ офицеры, а потомъ аскеры, раненыхъ положили на каруцу (телѣгу) и повезли ихъ сзади.

Не знаю, зачѣмъ наши солдатики отрѣзали у турокъ кисточки съ ихъ фесокъ; должно быть желали сохранить ихъ на память. Турки охотно позволяли это дѣлать; видно и они знаютъ поговорку: «потерявъ голову, по волосамъ не плачуть».

На другой день солдаты маленькими партіями пошли смотрѣть самый редутъ, чтобы увидѣть настоящее поле сраженія. Въ редутѣ сильно пахло гарью, орудія были подбиты, на землѣ валялись турецкія сабли, ружья, осколки гранатъ, масса патроновъ; убитые люди еще не были убраны, все было, въ томъ видѣ, въ какомъ застала ночь поле сраженія. Редутъ былъ обнесенъ широкимъ рвомъ. Я никакъ не могъ понять, какъ было можно влѣзть въ редутъ по отвѣсной стѣнѣ; а между тѣмъ наши солдатики это сдѣлали; имъ помогла ихъ храбрость и пороховой дымъ, въ которомъ трудно было разобратъ, что творилось.

Всякій изъ глазѣющихъ солдатиковъ забиралъ себѣ въ редутъ все то, что ему нравилось. Одинъ денщикъ поймалъ маленькую раненую

турецкую лошадку, которая потомъ продѣлала съ нами весь походъ и доѣхала до Петербурга. Другой денщикъ раздобылъ гдѣ то чудное фланелевое одѣяло. Отъ полковъ были посланы въ редутъ команды для забора шанцевого инструмента, который у насъ уже порядкомъ поразстроился. Но никто не дотрогивался до мѣшковъ съ сухарями, которыхъ валялось тамъ не мало; нашъ солдатикъ еще не зналъ въ то время настоящего голода; голодные плѣнные турки навѣрно не задумались бы и начали бы съ сухарей.

Въ походѣ всегда такъ бываетъ: сегодня въ чемъ-нибудь очень нуждаешься, а завтра гдѣ-нибудь подерутся, смотришь, и добылъ то, въ чемъ нуждался наканунѣ. Напримѣръ, наканунѣ сраженія подъ Горнымъ Дубнякомъ офицеры давали большія деньги, чтобы добыть себѣ какое-нибудь сѣдло, для устройства выюка; сѣдла они, конечно, не добыли, а послѣ сраженія можно было найти выучныхъ сѣделъ въ самомъ редутѣ сколько хочешь.

Съ этого дня наши войска стали твердой ногой на дорогѣ, по которой турки возили провiантъ въ Плевну; съ этого дня Османъ-паша былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Конечно, это дѣло досталось намъ не даромъ, но по крайней мѣрѣ мы достигли того, что Османъ былъ запертъ въ Плевнѣ. Всѣ солдаты понимали въ чемъ заключалась наша побѣда; а нѣкоторые изъ нихъ, срубая съ остервенѣніемъ телеграфные дорожные столбы на топливо, приговаривали съ удоволь-

ствиѣмъ: «теперь, братъ Османъ, шалишь, никуда не уйдешь изъ Плевны».

Наши войска окопались лицомъ къ Плевнѣ и мы вошли въ составъ «Плевненскаго осаднаго корпуса».

III.

Наша жизнь во время осады Плевны проходила довольно однообразно: мы спали и ѣли, потомъ опять спали, опять ѣли и изрѣдка ходили на аванпосты. Смѣна аванпостовъ происходила обыкновенно затемно, ибо турки, завидя движеніе нашей цѣпи, всегда открывали по ней огонь. Однажды люди нашего баталіона замѣшались на бивакѣ съ утреннимъ завтракомъ и смѣну намъ пришлось дѣлать уже на разсвѣтѣ. Турки сейчасъ же угостили насъ свинцовымъ дождемъ; потерь у насъ не было, но смѣна была суетливая.

Въ тотъ день къ нашей цѣпи подъѣхало нѣсколько нашихъ жандармовъ, которые привели къ начальнику цѣпи четырехъ плѣнныхъ турокъ, съ приказаніемъ отъ начальника Плевненскаго осаднаго корпуса пропустить этихъ четырехъ турокъ черезъ нашу цѣпь въ Плевну. У нихъ было письмо къ Осману-пашѣ, въ которомъ нашъ главный начальникъ предлагалъ Осману сдаться безъ всякаго кровопролитія. Турокъ пропустили чрезъ цѣпь, но они медлили, о чемъ-то задумались и

потомъ всѣ о чемъ-то заговорили заразъ. У насъ въ ротѣ нашелся солдатъ изъ касимовскихъ татаръ, который немного понималъ по ихнему. Поговоривъ немного съ плѣнными, онъ доложилъ начальнику цѣпи, что они боятся идти въ турецкій лагерь по той причинѣ, что турки могутъ ихъ издали не узнать и могутъ, пожалуй, начать стрѣлять. Но соблазнъ уйти изъ плѣна къ своимъ былъ такъ великъ, что они живо побороли въ себѣ эту боязнь и двинулись по направлению къ турецкой цѣпи. Мы слѣдили за ними до тѣхъ поръ, покуда они не скрылись изъ глазъ; выстрѣловъ не было слышно; значитъ, они добрались благополучно.

Вправо отъ насъ, на самой макушкѣ горы шла горячая работа—турки воздвигали редутъ. У нашего ротнаго командира ваплась подозрнная труба, въ которую все можно было видѣть, какъ на ладони.

Наша артиллерія не давала имъ спокойно работать: лишь только они разработаются, сейчасъ же имъ посылалось угощеніе, въ видѣ залпа изъ 8-ми орудій; турки, завидя орудійные огоньки, тотчасъ же прижимались къ землѣ; гранаты лопались надъ ними и буравили землю. Сейчасъ же послѣ того всѣ подымались и снова принимались за работу. Редутъ напоминалъ намъ муравейникъ: люди быстро перебѣгали съ мѣста на мѣсто, таскали дернъ, землю. Между работавшими можно было видѣть и несчастныхъ братушекъ, которыхъ турки силою заставляли работать.

Лишь только стало смеркаться, въ турецкомъ лагерѣ раздались сигналы, призывавшіе аскеровъ на переключку и молитву. Затѣмъ они прокричали въ честь Аллаха и въ здравіе Султана, и всюду зажглись бивачные огоньки. У насъ тоже въ сомкнутыхъ частяхъ цѣпи горѣли костры, около которыхъ, въ полной готовности, дремали солдатики.

Ежедневно дежурный баталіонъ ходилъ на саперныя работы; для артиллеріи дѣлались батареи съ ходами и погребами для снарядовъ; для пѣхоты рыли длинные ровики, въ которыхъ могла помѣститься цѣлая рота и на случай тревоги всякая рота знала свое мѣсто.

Всю мѣстность такъ хорошо укрѣпили, что Осману стало невозможно ее прорвать. Кукурузныя поля приказано было уничтожить, такъ какъ тамошняя кукуруза, ростомъ въ 5 аршинъ, могла бы намъ помѣшать во время дѣла; для того назначались команды: люди становились въ одну шеренгу, другъ отъ друга шага на три, вооружались тесаками и, по командѣ: «начинай», начинали размахивать ими по сторонамъ, подрубая въ корню кукурузу. Для людей это былъ настоящій праздникъ; нѣкоторые сначала до того горячились, что задѣвали сосѣдей по ногамъ.

Мы начали подумывать о томъ, что, пожалуй, намъ придется захватить подъ Плевной зиму, къ тому же ночи были холодныя, а потому люди стали рыть небольшія землянки, аршина полтора глубины, которыя накрывались палат-

ками. Нѣкоторые устроили въ землянкахъ печки съ боковой выходной трубой; яма приняла жилой видъ.

По вечерамъ, чтобъ было веселѣй, музыкантскій хоръ игралъ на бивакѣ; въ девять часовъ игралась заря и молитва «Коль славень». Музыканты играли не важно; инструменты успѣли, за время похода, попортиться; да и могло ли быть иначе, когда въ большихъ мѣдныхъ трубахъ таскали воду для варки пищи, а другими инструментами подпирали палатки. Каждый вечеръ пѣсельники собирались въ кружокъ и пѣли пѣсни.

Какъ-то однажды утромъ, вскорѣ послѣ сраженія подъ Горнымъ Дубнякомъ, привезли въ гвардейскіе полки Георгіевскіе кресты, пожалованные Государемъ за это сраженіе. Нашъ полкъ, хотя и былъ въ дѣлѣ, но участія въ огнѣ не принималъ. Возникъ вопросъ: кому дать кресты? Единственные солдатики нашего полка, которые были въ этотъ день подъ градомъ пуль, были ротные носильщики, исполнявшіе подъ огнемъ, безъ оружія, съ одними только носилками въ рукахъ, трудную обязанность подбيرانія раненыхъ на самомъ полѣ сраженія. Въ носильщики выбирались обыкновенно лучшіе по поведенію люди, которые, сознавая свой святой долгъ, не прятались въ кустахъ, а работали въ самомъ огнѣ, именно тамъ, гдѣ болѣе всего они были нужны. Было рѣшено раздать кресты носильщикамъ. Полкъ былъ построенъ покоемъ; командиръ полка вызвалъ впередъ носильщиковъ, которые

вовсе не ожидали такого счастья, и роздалъ имъ кресты; полкъ сдѣлалъ «на караулъ» и прокричалъ имъ громкое ура. Оказанная имъ честь, заслуженно, высоко подняла званіе носильщика и несомнѣнно многимъ изъ нихъ послужила поощреніемъ на будущее время.

Недѣлю спустя послѣ сраженія пріѣхалъ къ намъ на позицію Государь; онъ объѣхалъ всѣ полки, благодарилъ за побѣду и искренно скорбѣлъ о потеряхъ, понесенныхъ гвардіей. Государь пріѣхалъ обласкать, утѣшить, ободрить участниковъ боя; мы всѣ были рады видѣть Царя въ столь трудныя минуты, да еще на полѣ битвы. Сейчасъ же по всей линіи разнесся слухъ, что Государь поцѣловалъ въ лобъ того солдата, который забралъ у турокъ знамя. Во всѣхъ полкахъ музыка играла народный гимнъ.

Въ этотъ день мы узнали, что Государь приказалъ собрать лишнія войска изъ Плевненскаго гарнизона въ отдѣльный отрядъ и двинуть его въ глубь Турціи для продолженія нашего наступательнаго движенія по направленію къ Константинополю; а подъ Плевной оставить столько войска, сколько нужно для того, чтобы не выпустить изъ Плевны Османа.

Къ счастью нашъ полкъ попалъ въ этотъ отрядъ; мы обрадовались и стали съ нетерпѣніемъ ожидать дня выступленія.

3-го ноября нашъ отрядъ выступилъ по большой дорогѣ, на югъ, на города Софію, Филиппополь, Адрианополь и Константинополь. По сторонамъ дороги было пусто и все разрушено, только

по полямъ бродили стадами собаки, не покидавшія своихъ родныхъ деревень. Они совсѣмъ одичали и питались всякою падалью, которой валялось всюду не мало. А вотъ у насъ въ полку была собака, Шарикъ, который выѣхалъ вмѣстѣ съ нами изъ Петербурга и, годъ спустя, торжественно входилъ съ нами въ Петербургъ; кто-то изъ солдатъ обмоталъ его въ этотъ день цвѣтами; его знали всѣ великіе князья и Наслѣдникъ Цесаревичъ, нашъ корпусный командиръ.

Ровная мѣстность, наскучившая намъ подъ Плевной, стала понемногу пропадать, а черезъ нѣсколько дней мы очутились уже въ гористой мѣстности, въ Малыхъ Балканахъ; большіе же Балканы видѣлись вдали. Съ каждымъ днемъ мѣстность становилась все гористѣе и красивѣе; около биваковъ шумѣли горныя рѣчки съ очень холодной чистой водой; на этихъ рѣчкахъ стояли мельницы, на которыхъ наши солдатики—мельники мололи муку и распоряжались на нихъ какъ у себя дома.

На пятый день по выходѣ изъ подъ Плевны, мы дошли до деревни, которая отстояла только на одинъ переходъ отъ очень сильно укрѣпленнаго турецкаго города Орханіе. По словамъ братушекъ, вся мѣстность около этого города, была изрыта редутами. Здѣсь весь нашъ отрядъ долженъ былъ остановиться, а начальникъ нашего отряда, генераль Гурко, въ это время сталъ высматривать да узнавать о непріятелѣ.

Прежде чѣмъ рѣшить вопросъ, о томъ, какимъ образомъ вытѣснить непріятеля изъ этой укрѣп-

ленной мѣстности, надо было сперва узнать велики ли его силы; а для того ежедневно приказано было его тревожить ложными атаками: думая, что русскіе наступаютъ на самомъ дѣлѣ, непріятель выбѣгалъ изъ своихъ окоповъ и тѣмъ обнаруживалъ свои силы.

Этотъ послѣдній нашъ бивакъ былъ уже со-всѣмъ въ горахъ. Вокругъ насъ была осень, голыя деревья, поблекшая трава. Но каково было наше удивленіе, когда одинъ офицерскій денщикъ, ѣздившій въ горы за провизіей, пріѣхалъ вечеромъ не только съ богатой добычей, но и съ букетомъ прекрасныхъ полевыхъ цвѣтовъ. Въ такое позднее осеннее время цвѣты насъ сильно удивили; оказалось, что этотъ храбрый денщикъ не пожалѣлъ своихъ силъ и забрался въ сторону отъ дороги верстъ на двадцать; онъ отыскалъ такое мѣсто, куда никто не проникалъ; онъ на-шелъ тамъ нетронутыя болгарскія хозяйства, устроившіяся среди горъ въ долинахъ, защищен-ныхъ отъ холодныхъ вѣтровъ. Тамъ было гораз-до теплѣе, чѣмъ у насъ на бивакѣ, деревья еще были покрыты зеленью, а на припекѣ зеленѣла свѣжая трава и росли цвѣты. Вотъ какую раз-ницу въ климатѣ можно найти въ горахъ.

Когда генералъ Гурко узналъ, что въ Орханіе дѣйствительно много турокъ и что вся мѣст-ность очень сильно укрѣплена, тогда онъ рѣшилъ не брать Орханіе открытой силой, а выгнать от-туда непріятеля другимъ способомъ: онъ рѣшилъ обойти Орханіе съ двухъ сторонъ и оцѣнить всю мѣстность такимъ же кольцомъ, какимъ была

окружена Плевна. Если турки позволят намъ это сдѣлать, тогда мы ихъ возьмемъ голодомъ; а если они отъ страха быть окруженными уйдутъ, то тѣмъ лучше для насъ, мы пойдемъ дальше и будемъ ихъ преслѣдовать.

10-го ноября начались эти обходныя движенія справа и слѣва; мы попали въ лѣвую колонну. вмѣстѣ съ нами выступили въ горы кавказскіе всадники — осетины; всѣ они были одѣты по-кавказски съ бараньей папашой на головѣ и съ плеткой въ рукѣ. Они скакали на своихъ неказистыхъ, но шустрыхъ лошадакахъ, привыкшихъ на Кавказѣ карабкаться по скаламъ; ихъ ничто не стѣсняло: ни канавы, ни овраги, ни кусты, ни камни. Издали ихъ можно было по одѣянію легко принять за турецкихъ черкесовъ, что не разъ и случалось во время этой войны. Не было такой горы, на которую не могъ бы забраться со своею лошадыю осетинъ; они очень храбры и не хвастливы.

Нашу колону повелъ братушка; мы шли по горамъ, то подымаясь, то спускаясь; сзади ротъ шли фельдфебеля и не давали людямъ растягиваться. День былъ очень туманный; по сторонамъ ничего не было видно, такъ что было даже немного жутко. Горы становились все круче, а артиллерійскія лошади, непривычныя къ горамъ, затыгивали движеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришлось даже чинить дороги и все время помогать лошадаямъ. Наконецъ, въ одномъ оврагѣ артиллерія завязла; лошадей пришлось отпрячь, а орудія вывозились изъ грязи людьми.

Туманъ все не проходилъ; мы были какъ въ лѣсу и все время слѣдили за братушкой, чтобъ онъ не удралъ. Къ вечеру, усталые, изнеможенные мы добрались наконецъ до вершины одной очень высокой горы, съ которой мы увидѣли расположенный верстахъ въ трехъ отъ насъ, внизу въ долину, турецкій лагерь; а недалеко отъ него былъ виденъ маленькій городокъ Этрополь. Вокругъ насъ открылся чудный, величественный видъ; мы очутились въ заоблачной выси; изрѣдка находили на насъ облака, въ видѣ очень густого тумана, которыя на время скрывали отъ насъ непріятеля.

Намъ предстояло выгнать турокъ изъ этого города, потому что иначе мы не могли продолжать нашего обходного движенія большой турецкой позиціи при Орханіе.

Невооруженнымъ глазомъ можно было сосчитать число палатокъ въ турецкомъ лагерѣ; турки насъ не видѣли и мирно расхаживали между палатками. Наши солдаты впились глазами въ непріятеля и всѣ сразу заговорили. Артиллерія снялась съ передковъ, выбрала удобное мѣсто и пустила въ непріятеля первую гранату. Трудно передать то, что сдѣлалось у нихъ въ лагерѣ; всѣ закопошились, какъ потревоженные муравьи, началась суетня, бѣготня. Наша потѣха длилась недолго; стало темнѣть, и артиллеріи пришлось прекратить огонь.

Ночь провели мы на макушкѣ этой горы. Чтобъ ввести непріятеля въ заблужденіе, относительно нашихъ силъ, нашъ отрядъ былъ ра-

стянуть вдоль позиции и мы зажгли много лишних костровъ. Ночью было не до сна; все время шла повѣрка аванпостовъ, всю ночь надо было поддерживать костры и рубить для того топливо.

Утромъ началась у насъ съ непріателемъ перестрѣлка; но она оказалась безъ всякой пользы, пришлось ее прекратить.

Все, что дѣлалось внизу у турокъ, было намъ сверху видно, какъ на ладони; забавно было видѣть, какъ непріатель передвигался, какъ онъ, составивъ ружья, садился передъ ними, поджавъ подъ себя ноги, какъ паша объѣзжалъ ряды и распоряжался. Положеніе обѣихъ сторонъ было такое, что ни мы имъ, ни они намъ не могли причинить никакого вреда; намъ надо было что-нибудь предпринять, чтобъ выгнать ихъ изъ этого городка; а для того было намъ приказано сдѣлать обходъ города съ двухъ сторонъ. Лишь только турки примѣтили нашъ обходъ, они сейчасъ же стали готовиться къ отступленію.

Во время нашего обхода шла безостановочная перестрѣлка съ непріателемъ; наши орудія громили городъ, а отъ турецкихъ гранатъ намъ было нетрудно укрываться въ горахъ. Къ вечеру турки убѣжали въ горы, забравъ съ собой орудія и обозъ; наша артиллерія посылала имъ въ догонку гранаты и картечь.

Стало ужъ смеркаться, когда нашъ полкъ прежде всѣхъ вошелъ въ городъ.

Въ городѣ насъ встрѣтили болгары, которые сейчасъ же стали угощать солдатъ хлѣбомъ и

табакомъ, звонили въ колокола, били въ желѣзные заслонки, въ чугунныя доски, крестились и все время съ радостью приговаривали: «Турпи побѣгали въ горы».

Пройдя весь городъ насквозь, полкъ выдвинулъ впередъ аванпосты: наша рота попала въ дежурную часть. Настала ночь; въ 5-ти верстахъ отъ города въ горахъ зажглись огоньки; это былъ бивакъ отступившихъ турокъ; ночью они насъ не боялись; они знали, что въ темнотѣ мы имъ ничего не подѣлаемъ; а чуть свѣтъ ихъ ужъ тамъ не было.

Всѣ были страшно голодны; надо было гдѣ-нибудь добыть пищи; въ турецкую покинутую часть города были посланы команды. Посланные вернулись съ большою добычею, привели воловъ, телятъ, барановъ; весь этотъ покинутый турецкій скотъ бродилъ безъ призора. Въ турецкихъ же домахъ люди нашли муку, овесъ, сушенныя сливы, изюмъ, орѣхи, фонари, посуду, табакъ, трубки и проч. А одинъ солдатикъ нашелъ тамъ полдюжины очковъ, надѣлъ ихъ всѣ шесть себѣ на носъ и въ такомъ смѣшномъ видѣ явился въ роту.

Сухихъ дровъ въ эту ночь было много, и въ каждомъ звенѣ на аванпостахъ горѣлъ свой костеръ. Всю ночь варили и ѣли; потомъ опять варили и опять ѣли. Скота было убито гораздо болѣе, чѣмъ можно было съѣсть; съѣли лучшіе куски, а остальное побросали.

Къ концу ночи явился въ роту шлявшийся всю ночь по городу солдатикъ, неважнаго по-

веденія и принесъ цѣлый мѣшокъ сушеныхъ сливъ, думая, что его за это похвалятъ; но ротный командиръ посмотрѣлъ на это иначе: въ то время, когда вся рота на аванпостахъ, солдату не подобаетъ шлаться; а потому, ради наказанія, всѣ эти сливы были у него отобраны и розданы солдатамъ, да кромѣ того, его сейчасъ же послали въ цѣпь. Тогда вся рота подняла его на смѣхъ: одинъ говорилъ ему, что онъ мало принесъ, другой спрашивалъ, вкусны ли сливы, и т. д.

Въ эту ночь никто не спалъ; въ головѣ вертѣлось много всякихъ мыслей: припоминался шумъ въ городѣ, напоминавшій ярмарку, въ ушахъ звенѣли колокола, чугуныя доски, свистки фельдфебелей, собиравшихъ свои роты, слышался свистъ пуль, шипѣніе гранатъ, — все это перемѣшалось въ головѣ въ какой-то сумбуръ.

На разсвѣтѣ всѣ слѣды нашего ночного пира были убраны, а туши оставшагося мяса зарыты.

Утромъ стали спускаться съ горъ болгары, которые во время сраженія ушли изъ города въ горы со своими семействами.

Нашъ полкъ вступилъ на другой день торжественно въ городъ Этрополь съ развернутыми знаменами и присутствовалъ при молебствіи.

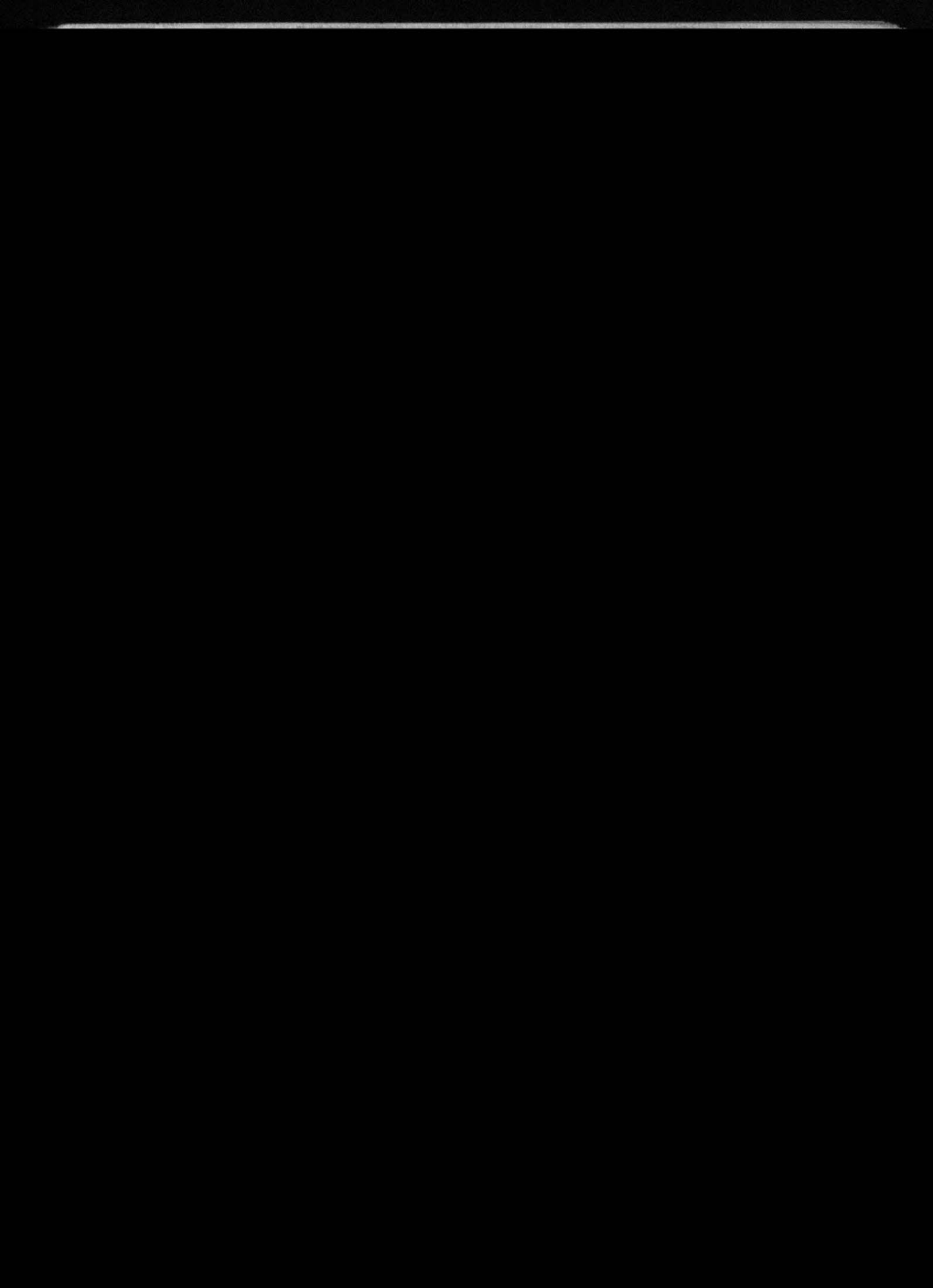
Взятіе нами этого города нагнало такой страхъ на турокъ, сидѣвшихъ въ Орханіе, что они сейчасъ-же, безъ единого выстрѣла, покинули всю орханійскую укрѣпленную позицію и

отступили въ глубь Балканскихъ горъ. Еще нѣсколько дней тому назадъ генераль Гурко не зналъ, какъ ему справиться съ грознымъ Орханіе, а теперь, изъ боязни быть окруженными, турки сами очистили всю эту грозную позицію. Только такимъ путемъ, шагъ за шагомъ и можно было выбивать турокъ изъ Балканъ.

Въ забранномъ городѣ мы немного отдохнули. Затѣмъ насъ направили на работу въ горы по той самой дорогѣ, по которой отступили турки. Дорога круто поднималась въ гору и вся была завалена различными вещами, которыя непріатель побросалъ; все это надо было убрать и подбрать. Всюду по дорогѣ валялись мѣшки, наполненные пшеничными сухарями, жестянки съ патронами, ящики съ гранатами, поломанныя каруцы (телѣги) съ отощавшими волами и пр. Видно было, что всю излишнюю тяжесть турки выбрасывали на дорогу. Орудія они тоже побросали, но затворы унесли съ собой. Всѣ ящики съ патронами и гранатами пришлось закапывать въ землю; нельзя было оставлять столько взрывчатого матеріала, который легко могъ воспламениться отъ какого-нибудь костра и надѣлать много бѣдъ.

Въ каруцахъ лежали больные турки, которыхъ тоже бросили на дорогѣ; ихъ мучила жажда и они знаками просили пить; наши солдаты поили ихъ водой, которую носили во флягахъ.

Сухарей оказалось на дорогѣ столько, что

ными палками, на которыя они опирались во время ходьбы.

Здѣсь мы простояли нѣсколько дней, покуда не выяснилось то, что дѣлается впереди у непріятеля; а впереди дѣлалось вотъ что: турки, убѣжавшіе изъ грознаго Орханіе и изъ города Этрополя, отступили въ глубь Балканскихъ горъ, и на самомъ перевалѣ черезъ Балканы, при деревнѣ Арабъ-Конакъ снова укрѣпились. Прежде чѣмъ намъ удалось ихъ выгнать изъ этого Арабъ-Конака, намъ пришлось провозиться съ ними цѣлый мѣсяць.

IV.

Вообще про войну въ Балканахъ можно сказать, что она велась въ горахъ вездѣ одинаково — Суворовскимъ способомъ. Когда узнавали, что турки гдѣ-нибудь сильно укрѣпились, тогда сейчасъ-же назначались три отряда, одинъ для того, чтобъ тревожить непріятеля съ фронта, а другіе два для того, чтобъ справа и слѣва обойти непріятельскую позицію. Обходить приходилось по крутымъ горамъ, въ которыхъ вовсе не было дорогъ. Для орудій приходилось разрабатывать новыя дороги; орудія же подымались вверху людьми на лямкахъ, такъ какъ лошадямъ это было не подъ силу. Въ такой трудной работѣ проводили мы цѣлыя недѣли и подвигались впередъ весьма тихо.

Лишь только непріятель замѣчалъ, что наши обходныя колонны могутъ подать другъ другу руку и его окружить, онъ сейчасъ-же снимался съ мѣста и за ночь уходилъ быстро и далеко. Гдѣ-нибудь дальше онъ снова устраивалъ намъ какую-нибудь каверзу, и мы опять начинали обходныя движенія. Этимъ способомъ мы провозились съ нимъ въ Балканахъ цѣлыхъ полтора мѣсяца и, наконецъ, выгнали его оттуда окончательно.

За эти полтора мѣсяца мы натерпѣлись и голода, и холода, и трудовъ, и всякихъ лишеній, и болѣзней. Ежедневно происходила съ непріателемъ перестрѣлка; слѣдовательно были и убитые, и раненые.

И такъ, послѣ взятія города Этрополя, намъ былъ данъ небольшой отдыхъ, послѣ чего насъ повели далѣе въ горы, для дѣйствій противъ турокъ, засѣвшихъ въ Арабъ-Конакѣ.

Артиллеристы прямо заявили, что ихъ лошади безъ помощи пѣхоты не дотащатъ орудій до тѣхъ поднебесныхъ высотъ, гдѣ имѣлось въ виду заложить батареи противъ Арабъ-Конака. Тогда каждой ротѣ было поручено по одному орудію и одному зарядному ящику. Сначала лошади повезли весело, но вскорѣ начали скользить, шипы стерлись, такъ что пришлось ихъ скоро отпрячь; люди потянули орудія на себѣ. Людей дѣлили на двѣ смѣны, одна тянула, а другая несла ружья работавшихъ. Солдаты обливались потомъ; имъ приходилось шлепать по грязи и снѣгу; малѣйшая задержка останавливала всѣхъ,

кто тянулъ за нами орудія, такъ какъ дорога была очень узкая; приходилось сильно подбадривать людей. Ротамъ приходилось ночевать при орудіяхъ тамъ, гдѣ ихъ заставляла ночь; для того-же, чтобъ орудія не скатывались внизъ, ихъ привязывали веревками къ деревьямъ.

Сбиться съ дороги было, конечно, невозможно, но всетаки ротѣ совсѣмъ одной было немного жутко ночевать въ лѣсу; та рота, которая шла впереди насъ, значительно насъ опередила; а та, которая шла сзади, гдѣ то далеко отъ насъ отстала. Въ эту ночь разыгралась страшная буря: сильный вѣтеръ вырывалъ буковые деревья съ корнемъ; костры поминутно тухли: вокругъ нигдѣ не было воды; это было наше самое большое горе. Такъ мы и просидѣли всю ночь спиною къ вѣтру, въ башлыкахъ, безъ горячей пищи и безъ чая.

Едва стало свѣтать, какъ люди уже снова потянули орудія, затыгивали «дубинушку», дружно налегали на лямки, проходили шаговъ десять и снова останавливались, чтобъ перевести духъ и откашляться. Въ этотъ періодъ вся рота поголовно кашляла отъ сырой погоды. Дорога въ горахъ была очень извилистая; повороты болѣе всего причиняли хлопотъ.

Во время отдыха, солдаты подкладывали подъ колеса большія чурки, не то орудіе, отъ крутизны дороги, могло скатиться внизъ. Люди не роптали, понимали серьезное значеніе работы, вели себя молодцами и были всегда въ хорошемъ расположеніи духа.

На второй день, въ 4 часа вечера, наша рота доставила орудіе на гору, гдѣ уже была устроена батарея. По расчету, рота двигалась съ орудіемъ по полуверстѣ въ часъ; уже по этому можно судить, какъ трудно было втаскивать орудія въ гору.

Доставивъ орудіе, люди съ радости чуть не кубаремъ скатились съ этой горы внизъ и сейчасъ-же стали варить себѣ пищу. Нашъ полкъ расположился бивакомъ за этой горой.

Вскорѣ раздался первый выстрѣлъ по Арабъ-Конаку изъ тѣхъ орудій, которыя мы доставили наверхъ. Турки сейчасъ-же отвѣтили. Турецкія гранаты пролетали надъ нашими головами и лопались въ оврагѣ, гораздо ниже нашего бивака; насъ онѣ не могли задѣть, такъ какъ мы были за горой. Сначала наши орудійные выстрѣлы подъ самымъ ухомъ заставляли насъ ночью просыпаться; мы даже чувствовали содроганіе земли; но усталость взяла свое, мы крѣпко заснули и уже болѣе не просыпались ни отъ выстрѣловъ, ни отъ разрывовъ непріятельскихъ гранатъ.

Съ этого дня нашъ полкъ вошелъ въ составъ отряда, которому было поручено выгнать турокъ изъ Арабъ-Конака.

Этотъ мѣсяцъ былъ самый трудный изъ всего похода; пошли снѣга, морозы, болѣзни; мы не знали, чѣмъ кормить нашихъ лошадей; за кормомъ приходилось посылать въ сторону верстъ за тридцать; лошади порядкомъ похудѣли. Но мы пережили всѣ эти невзгоды съ терпѣніемъ и вполне заслужили тѣ лестныя слова, ко-

торыя, уже по окончаніи войны, появились въ приказѣ нашего главнокомандующаго, великаго князя Николая Николаевича: «Тебѣ честь, тебѣ слава, русскій солдатъ».

Покинутый турками грозный городъ Орханіе былъ недалеко отъ насъ. Какъ-то однажды утромъ намъ было передано пріятное приказаніе отъ высшаго начальства идти въ этотъ городъ, размѣститься по квартирамъ и отдохнуть тамъ нѣсколько дней. Люди собирались живо, точно по тревогѣ. По дорогѣ въ городъ намъ пришлось проходить черезъ небольшую поляну; не-пріятель, завидя насъ, направилъ на насъ орудія. Гранаты летали надъ нами, а нѣкоторые изъ нихъ лопались по сосѣдству. Люди перебѣгали эту поляну по одиночкѣ, со смѣхомъ и крикомъ, съ шутками да прибаутками, точно они играли въ какую-нибудь игру; къ счастью, никто не былъ даже раненъ; досталось только одному маленькому ослику: онъ былъ контуженъ осколкомъ гранаты и сильно замоталъ головой.

Въ городѣ Орханіе солдаты размѣстились въ разоренныхъ домахъ и сараяхъ; выломанныя двери и окна они завѣсили полотнищами отъ палатокъ, а среди комнаты на земляномъ полу зажигали костеръ, около котораго они мылись, сушились, чинились, грѣлись.

Послѣ трехмѣсячной жизни въ полѣ да въ горахъ такая комната казалась людямъ раемъ; они были защищены сверху отъ дождя и снѣга и были вполне счастливы. Въ Орханіе въ пер-

вый разъ за эти три мѣсяца солдатикъ помылъ свое тѣло теплой водой! Всѣ сидѣли безвыходно по домамъ и отлеживались.

Въ этомъ городѣ мы встрѣтили довольно много голубоглазыхъ болгаръ, лицомъ похожихъ на русскихъ. Замѣчательно, что болгары, несмотря на пятисотлѣтнее сожитіе съ турками, съ ними вовсе не помѣшались и вполне сохранили свою православную кровь.

Во время нашего пребыванія въ Орханіе пришло извѣстіе о паденіи Плевны; радости солдатиковъ не было конца, всѣ кричали «ура» и ликовали; а многіе даже не пожалѣли своихъ единственныхъ фуражекъ на головѣ, бросали ихъ вверхъ и разставались съ ними навсегда, такъ какъ вѣтеръ относилъ ихъ въ сторону, — ихъ втапывали въ грязь и онѣ дѣлались уже невозможными для носки.

Жаль было разставаться съ Орханіе, когда намъ на смѣну пришли грѣться и отдохнуть другіе полки. Насъ вывели опять на позицію подъ Арабъ-Юнакомъ. За время нашего отдыха, горы приняли совсѣмъ другой видъ, они побѣлѣли отъ снѣга, а вѣтеръ похолодѣлъ и сдѣлался рѣзкимъ. Солдаты вовсе не жаловались на погоду; снѣгомъ и холодомъ ихъ не удивишь.

Надо было только удивляться, какъ быстро люди устраивали въ снѣгу бивакъ. Снѣгъ былъ сгребенъ, палатки поставлены; черезъ часъ Орханіе забыто, и всѣ снова сидятъ у костровъ. Морозъ доходилъ до 10 градусовъ; ручеекъ замерзъ по берегамъ; не было сомнѣнія, что настала на-

стоящая Балканская зима. Въ первую-же ночь всѣ наши палатки были замечены снѣгомъ; на усахъ и бородахъ показались длинные ледяные подвѣски, уши и кончики пальцевъ порядкомъ пощипывало. Люди, посланные въ горы за топливомъ, садились верхомъ на вязанку хвороста и скатывались съ горы, какъ на салазкахъ; а у нѣкоторыхъ офицеровъ появились санки, сдѣланные ротными плотниками.

Костры горѣли не переставая, а люди отъ нихъ не отходили и пожгли себѣ шинели и фуражки. Въмѣсто спаленныхъ шапокъ, появились на людяхъ турецкія фески; а на прожженныхъ шинеляхъ иногда не доставало цѣлой полы. Въмѣсто проношенныхъ сапогъ солдаты раздобыли гдѣ-то болгарскія опанки; а у нѣкоторыхъ людей трудно было разобрать, чѣмъ были обмотаны ноги. Въ палаткахъ отъ холода люди прижимались другъ къ другу, лежа на своихъ мундирахъ и прикрываясь шинелями. Другой полежить, подремлетъ, потомъ вдругъ вскочить какъ угорѣлый и прямо къ костру, чтобъ погрѣть остывшіе члены, изъ которыхъ болѣе всего страдали ноги. Днемъ прекраснымъ средствомъ для согрѣванія была игра въ снѣжки и единоборство.

И все это русскій солдатикъ продѣлывалъ съ такимъ терпѣніемъ, которое не могло не поразить весь свѣтъ; не было такого уголка на землѣ, гдѣ бы не интересовались тѣмъ, что въ то время происходило въ Балканахъ. При одной только мысли провести зиму въ Балканахъ у

всѣхъ должны были пробѣгать по кожѣ мурашки; а нашему русскому солдату было горя мало, лишь бы былъ сухарь, костеръ, да патронъ.

Послѣ паденія Плевны, освободившіяся тамъ войска подошли къ намъ, такъ что теперь можно было начать обходъ Арабъ-Конака.

Вправо отъ нашего бивака шла въ гору узенькая тропинка, по которой, по словамъ братушекъ, можно было добраться до перевала черезъ Балканы и спуститься уже на южную сторону горъ. Ежедневно насъ посылали раздѣлывать эту тропинку въ такую дорогу, по которой было бы возможно втаскивать орудія. Работа была не легкая: мерзлую землю приходилось колоть и разрыхлять; мѣшавшія деревья, въ два, три обхвата, приходилось срубать; камни же выворачивались изъ земли цѣликомъ, дружнымъ натискомъ людей и спускались въ оврагъ. Къ вечеру разработанная дорога дѣлалась такой скользкой, что всей ротѣ, при возвращеніи на бивакъ, приходилось вооружаться длинными посохами.

Скоро эта тропинка обратилась въ саженную дорогу; а вслѣдъ за тѣмъ появился приказъ начать обходъ Арабъ-Конака.

12-го декабря, лишь только начало смеркаться, нашъ полкъ снялся съ бивака и потянулся вверхъ, по разработанной нами дорогѣ; мы шли быстро, но безъ всякаго шума, чтобъ не обнаружить непріятелю нашего движенія. Около полуночи мы подошли къ самому перевалу. Тутъ мы остановились въ вѣковомъ буко-

вомъ лѣсу; людямъ приказано не расходиться и не шумѣть; осликовъ же велѣно было оставить внизу, на бивакѣ, такъ какъ они могли настъ выдать туркамъ своимъ зычнымъ ревомъ, который бываетъ слышенъ за нѣсколько верстъ.

Костры были запрещены; безъ огня, безъ теплой пищи, люди начали стыть, тѣмъ болѣе, что къ ночи морозъ покрѣпчалъ. Нашъ фельдфебель въ подобныхъ случаяхъ умѣлъ воодушевлять людей: онъ вызывалъ на единоборство съ нимъ молодыхъ солдатъ; молодежь наносила ему здоровые удары, что возбуждало въ ротѣ дружный смѣхъ. Его примѣръ заражалъ другихъ, составлялись партіи и происходила общая свалка.

Отдохнувъ на перевалѣ въ глубокомъ снѣгу мы начали въ глубокой темнотѣ переваливать черезъ Балканы. Роты стали вытягиваться по узкой дорогѣ, идущей внизъ уже за переваломъ. Наши ноги чувствовали въ темнотѣ, что мы идемъ подъ гору; люди обрадовались этому чувству и всѣ сразу заговорили такъ громко, что даже пришлось ихъ останавливать. Всякому изъ насъ хотѣлось кричать «ура», да никто не посмѣлъ; турки не должны были знать о нашемъ переходѣ на южный склонъ Балканъ.

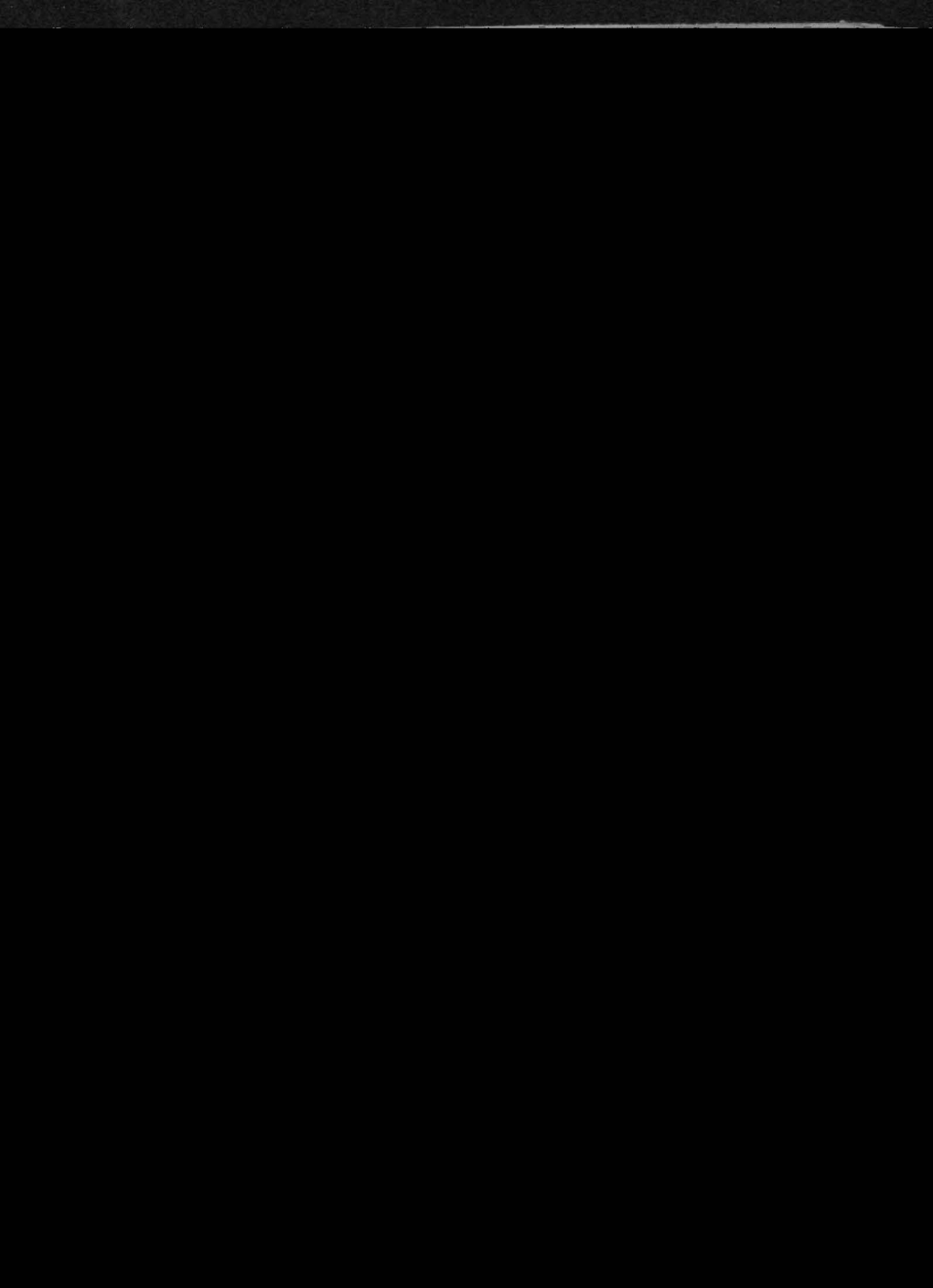
Въ темнотѣ полкъ сильно растянулся, такъ что шедшимъ въ хвостѣ колонны пришлось бѣжать; ноги путались въ мелкомъ кустарникѣ; на каждомъ шагу мы скользили и падали, а иногда даже скатывались на спинѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было очень круто.

Спускъ дѣлался понемногу все отложе и, на-

конецъ, мы почувствовали, что идемъ уже по ровному мѣсту. Мы подошли къ покинутой турками деревнѣ Чуріакъ. Въ какія-нибудь четверть часа, еще затемно, люди укрылись въ избахъ и дворахъ, такъ что стоявшіе въ двухъ верстахъ турецкіе аванпосты не могли подозрѣвать, что въ этой деревнѣ укрылся цѣлый полкъ. Намъ было приказано сидѣть въ избахъ, не разводить костровъ, никуда не выходить изъ деревни, а главное, не выпускать изъ деревни ни единого братушку, которые сейчасъ разнесли бы по всѣмъ Балканамъ вѣсть о нашемъ переходѣ.

Пріятно было видѣть, какъ небольшая рѣченка, протекавшая въ этой деревнѣ, текла съ горъ уже на югъ, и тѣмъ воочию намъ показывала, что мы находимся уже на южномъ склонѣ Балканъ.

Если бы у насъ была артиллерія, то мы продолжали бы наступленіе и сбили бы съ позиціи непріятельскіе аванпосты; но артиллерія застряла на перевалѣ. Спускать орудіе съ горъ оказалось труднѣе, чѣмъ его втаскивать. Люди впрягались въ дышло, чтобъ направлять орудіе, а другія, привязавъ къ нему веревки, удерживали его изо всѣхъ своихъ силъ, изъ опасенія, чтобы оно не укатилось куда-нибудь въ оврагъ. При этомъ, люди падали, ушибались, скатывались за орудіемъ на спинѣ, все время не выпуская изъ рукъ лямокъ. Трудно передать словами тѣ хлопоты и мученія, которыя пришлось испытать пѣхотѣ при спускѣ орудій. Недаромъ турки были увѣрены, что перетащить зимой

люди начали блуждать въ темнотѣ и не находили своихъ ротъ; снѣгъ крутился вихремъ и хлесталъ по лицу. Всѣ роты провели эту ночь въ полномъ невѣдѣніи того, гдѣ кто находится. Гора была совсѣмъ голая: ни дерева, ни кустика; жечь было нечего. Во что бы то ни стало, а надо было гдѣ-нибудь раздобыть дровъ.

Внизу подъ горой гдѣ-то лаяли собаки; надо было полагать, что тамъ деревня. Вотъ, солдатики, конечно, кто похрабрѣе, собрались и пошли по направленію собачьяго лая внизъ; они шли цѣпью, все время не теряя другъ друга изъ виду. Собаки все время не переставали лаять; мы же опасались за участь храбрецовъ, не побоявшихся ни ночи, ни метели. Три часа спустя, внизу слышались человѣческіе голоса; это были они; у насъ отлегло отъ души. Они принесли дровъ, куръ, соленой свинины, творогу, масла, муки. Затрещали костры, началась стряпня.

Къ утру метель утихла и роты увидѣли одна другую. Страшная метель задѣла насъ только сторонкой, но тотъ отрядъ, который обходилъ Арабъ-Конакъ съ другой стороны, ужасно пострадалъ; у нихъ метель разразилась со всею силою. Костры тухли, а потому многіе поморозили себѣ руки и ноги, орудія были заметены снѣгомъ.

Мы спустились съ этой горы внизъ и заняли надежную позицію, такъ какъ не могли продолжать дальнѣйшій обходъ Арабъ-Конака. Турки опять устроили намъ препятствіе: они выстро-

или редутъ около деревни Ташкесены, миновать который мы не могли. Съ этимъ редутѣмъ мы провозились около четырехъ дней.

V.

Ежедневно подходили къ намъ свѣжія войска съ сѣвернаго склона Балканъ; ежедневно дежурныя части выходили на позицію и укрѣпляли ее земляными работами, а остальные части отдыхали въ сосѣдней болгарской деревнѣ.

На 19-ое декабря былъ назначенъ штурмъ редута. Въ этотъ день, еще заѣмно, всѣ войска заняли боевую позицію. Дѣло началось съ артиллерійскаго огня: мы же осторожно пробирались между горами и приближались къ редуту. Въ этомъ дѣлѣ намъ пришлось видѣть очень удачныя орудійныя выстрѣлы; на примѣръ, одной нашей гранатой взорвало въ редутѣ зарядный ящикъ; громкое «ура» пронеслось по всей нашей боевой линіи. Потомъ, одна турецкая граната влетѣла въ дуло нашего орудія и его заклепала; гранату вынули, и орудіе продолжало стрѣлять.

Съ турками надо держать ухо востро; они знали всю мѣстность, всѣ разстоянія, а потому стрѣляли очень мѣтко. Пробираясь осторожно впередъ, мы подошли къ редуту такъ близко, что пришлось остановиться; мы залегли и стали ожидать приказанія начинать штурмъ редута.

Къ вечеру турки начали убирать свои орудія и готовиться къ отступленію; ихъ артиллерійскій огонь сталъ утихать. Въ это время было приказано начать атаку; люди полѣзли въ гору ужасно быстро, а наша артиллерія усилила огонь. Настали не совсѣмъ пріятныя для насъ минуты, въ насъ посыпался сверху градъ пуль; пули ударялись въ камни, буравили землю, ранили людей; но все это миновало живо. Мы какъ-то вдругъ очутились въ редутѣ, изъ котораго было видно, какъ турки сбѣгали внизъ съ горы. Одинъ баталіонъ былъ посланъ имъ вслѣдъ; все время онъ посылалъ имъ въ догонку свинцовое угощеніе, а другіе баталіоны остались въ редутѣ.

Редутъ былъ сооруженъ на скалѣ, поэтому онъ былъ окруженъ не земляною насыпью, а рядами громадныхъ каменьевъ; чтобъ справиться съ такими глыбами камня, надо обладать поистинѣ чисто турецкимъ терпѣніемъ.

Настала ночь; мы провели ее у костровъ въ самомъ редутѣ, который еще весьма недавно казался намъ такимъ грознымъ.

Утромъ рано, мы вышли изъ редута по направлению отступленія турокъ; по дорогѣ валялось очень много убитыхъ турокъ; наши пули, которыя преслѣдовали ихъ наканунѣ въ темнотѣ, задѣли очень многихъ.

Каково же было наше удивленіе, а главное, радость, когда мы узнали отъ кавалерійскихъ разъѣздовъ, что въ эту ночь, вся позиція подъ Арабъ-Конакомъ очищена турками; отъ одного

только страха, что мы перешагнули черезъ Балканы и взяли Ташкисены, они покинули Арабъ-Конакъ, который, вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, гвоздемъ сидѣлъ у всѣхъ насъ въ головѣ. На покинутыхъ турецкихъ грязныхъ бивакахъ уже бродили голодные собаки и братушки, подбиравшіе брошенныя лохмотья, а главное воловъ и шкуры для выдѣлки кожъ.

Къ намъ подѣхалъ нашъ главный начальникъ генераль Гурко и поздравилъ насъ съ переходомъ черезъ Балканы, заявивъ при этомъ, что мы сдѣлали свое дѣло прекрасно и очистили Балканскія горы отъ непріятеля. Люди прокричали такое громкое «ура», которое, я думаю, донеслось до отступившаго непріятеля.

Терять времени не приходилось; надо было воспользоваться страхомъ, который охватилъ турокъ, скорѣй идти далѣе на городъ Софію и выгнать ихъ оттуда. Намъ дали немного вздохнуть и повели прямо на этотъ городъ, лежащій верстахъ въ тридцати отъ Ташкисенъ. Не доходя до города Софіи, намъ пришлось еще разъ сдѣлаться съ непріателемъ на берегу рѣки Искеръ, верстахъ въ десяти отъ города.

Намъ надлежало перейти эту рѣку по мосту; но непріятель поджегъ этотъ мостъ, а самъ расположился на томъ берегу и встрѣтилъ насъ сильнымъ огнемъ. Нашъ полкъ былъ посланъ въ обходъ турецкой позиціи. Мы перешли рѣку въ бродъ и старались зайти непріятелю въ тылъ; но онъ насъ до этого не допустилъ, и, изъ страху быть обойденнымъ, живо самъ отступилъ.

Пожаръ на мосту былъ потушенъ нашими осетинами, а мостъ настолько исправленъ, что къ вечеру могла переправиться на ту сторону вся наша артиллерія.

Эту ночь намъ пришлось провести на берегу рѣки; на нашемъ бивакѣ было свѣтло какъ днемъ—сосѣдняя деревня, подожженная турками, пылала яркимъ огнемъ. Наши солдатики сейчасъ же отправились за продовольствіемъ въ деревню и явились на бивакъ, часа два спустя, съ добычей. Мнѣ помнится, что одинъ солдатъ принесъ цѣлый выводокъ только-что рожденных поросятъ; ихъ сейчасъ же подѣлили и они попали въ солдатскій супъ, сваренный въ манеркахъ.

Въ этой деревнѣ было найдено много только что убитыхъ пулями свиней; турки свиней сами не ѣдятъ, хотѣли и насъ лишить этого вкуснаго мяса; но это имъ не удалось: солдаты подобрали застрѣленныхъ животныхъ и прекрасно поужинали.

Наше рѣшительное наступленіе имѣло большой успѣхъ—турки безъ единого выстрѣла, въ эту же ночь, покинули городъ Софію. Это извѣстіе дошло до насъ рано утромъ, а въ полдень мы уже вступали въ городъ съ музыкой и развернутыми знаменами. Поломанные флейты и размокшіе барабаны звучали скверно, но все-таки они помогали намъ идти въ ногу. Мы хотѣли показать себя молодцами городу, гдѣ насчитывалось до 20-ти тысячъ жителей.

Привести роту послѣ нашей жизни въ го-

рахъ въ приличный видъ для входа въ городъ было трудно; прожженные шинели съ черными заплатами, драныя шапки безъ козырьковъ, фески, стеганыя турецкія безрукавки, замѣнявшія шинели, все это было припрятано въ середину роты. Люди расчесали себѣ пальцами бороды, надѣли слегка на бокъ фуражки. Какъ будто видъ роты повеселѣлъ; но все-таки онъ былъ весьма печальный.

При входѣ въ городъ насъ встрѣтило православное духовенство съ иконами и хоругвями; солдаты снимали фуражки и крестились, что производило большое впечатлѣніе на народъ, еще никогда не видѣвшій православнаго аскера (солдата).

Городъ Софія встрѣтилъ насъ очень радушно; мы размѣстились по квартирамъ, раздѣлись, умылись и отдохнули.

Въ день Рождества Христова былъ сдѣланъ нашему полку церковный парадъ въ большомъ Софійскомъ соборѣ, гдѣ наше духовенство служило вмѣстѣ съ болгарскимъ. Въ этотъ день наша рота попала въ караулъ, который помѣщался на городской площади; всю ночь горѣли у насъ на площади костры, чтобъ ее освѣтить; много хлопотъ доставляли намъ тѣ братушки, которые, по уходѣ турокъ, разнесли въ Софіи оружейные склады. Они обзавелись ружьями и съ радости, съ веселья начинали стрѣлять по ночамъ въ воздухъ боевыми патронами, такъ какъ другихъ у нихъ не было. Пули летали надъ городомъ и пугали жителей; но словить

этихъ братушекъ было трудно; они умѣли ловко прятаться по дворамъ.

Въ Софіи въ первый разъ мы увидѣли мирныхъ турецкихъ жителей, которые не успѣли убраться изъ города до нашего прихода. Братушки стали ихъ обижать, такъ что намъ пришлось за нихъ вступиться. Молодыхъ турокъ между ними вовсе не было, всѣ они были на войнѣ; остались же дома только старики, женщины и дѣти.

Солнце на южномъ склонѣ Балканъ было значительно теплѣе, чѣмъ на сѣверномъ склонѣ; хотя на южномъ и выпадаетъ снѣгъ, но онъ долго не держится; а жаворонки часто вовсе не улетають отсюда на зиму, а находятъ себѣ тамъ достаточно корму. Уже по этому можно видѣть, какова тамъ зима.

Въ Софіи мы простояли 6 дней, а затѣмъ, 29 декабря, выступили по дорогѣ на Филиппополь. Это по величинѣ третій городъ послѣ Константинополя и Адрианополя. Мы пошли по слѣдамъ отступившаго непріятеля.

Мы шли быстро, безъ дневокъ, верстъ по 30-ти въ сутки. Въ это время не только нашъ отрядъ, но вся наша армія уже перевалила черезъ Балканы, гдѣ не оставалось ни единого турецкаго солдата; турки отступали, бѣжали по направленію къ Константинополю; а наши войска скатывались внизъ съ Балканъ какъ на салазкахъ; это былъ грозный потокъ, который навелъ страхъ на всю Турцію.

Городъ Адрианополь, первый по величинѣ

послѣ Константинополя и укрѣпленный не хуже, а можетъ быть и лучше, чѣмъ Плевна, былъ покинутъ турками безъ единого выстрѣла. Вотъ до чего обуялъ ихъ страхъ! Но подъ городомъ Филиппополемъ храбрый турецкій генераль Сулейманъ-паша захотѣлъ еще разъ испробовать свое счастье.

О Филиппопольскомъ дѣлѣ я разскажу дальше, а прежде того вспомню, что было интереснаго во время нашего стоверстнаго перехода изъ Софїи до Филиппополя.

Когда страхъ обуялъ всю Турцію, тогда султанъ послалъ во всѣ наши отряды по одному турецкому офицеру, которому было поручено просить остановки движенія войскъ, такъ какъ переговоры о перемиріи уже начаты. Такой офицеръ появился и въ нашей колоннѣ. Нашъ начальникъ, зная, что турки часто надуваютъ не повѣрилъ его словамъ и велѣлъ продолжать наступленіе; туркамъ не надо было давать одуматься, не то они, пожалуй, опять подымутъ голову. Этого турецкаго офицера мы приняли радушно; вѣдь онъ такой же служивый человекъ, какъ и мы всѣ. Мы показали ему нашихъ право-фланговыхъ людей изъ Государевой роты, которые были выше него ровно на цѣлый аршинъ. Онъ смотрѣлъ на русскихъ аскеровъ съ изумленіемъ; а мы потѣшались, когда увидали его широко раскрытые отъ удивленія глаза.

По мѣрѣ нашего движенія впередъ, дѣлалось все теплѣе; снѣгъ пропалъ, а на дорогахъ, кое гдѣ, показывалась даже пыль. Балканскія горы

уходили все далѣе и далѣе отъ насъ; да и Богъ съ ними. Бывало оглянешься назадъ, да и вспомнишь снѣжныя метели, или какъ люди, сами скатываясь на спинѣ, спускали внизъ орудія. Все это теперь миновало; но всякій изъ насъ не переставалъ чувствовать, что онъ не дѣлился въ Балканахъ и дѣлалъ дѣло.

Мы шли безъ дневокъ; люди стали уставать; въ особенности чувствовалась тяжесть въ ногахъ по утрамъ при вставаніи. Но не проходило и получаса, какъ ноги разминались на ходу и усталость пропадала. Никто не думалъ о дневкахъ; всѣмъ было весело гнать обезумѣвшаго отъ страха турку.

Проходя мимо одной деревни, лежащей въ 2-хъ верстахъ въ сторонѣ отъ дороги, мы были остановлены братушками, которые Христомъ Богомъ просили нашего бригаднаго командира переловить въ ихъ деревнѣ цѣлую шайку вооруженныхъ грабителей — разбойниковъ. Сейчасъ же были посланы въ эту деревню двѣ роты; мы же продолжали наше движеніе. Черезъ полчаса слышалась тамъ перестрѣлка; а вечеромъ мы узнали, что вся шайка была перебита, а двухъ разбойниковъ, оставшихся въ живыхъ, привели къ намъ со связанными руками на бивакъ. Достаточно было только посмотрѣть на ихъ лица, чтобъ рѣшить, что это были за люди. О ихъ дальнѣйшей участи мнѣ неизвѣстно.

Послѣ сорока-верстнаго перехода мы дошли до города Татаръ-Базарджикъ. Не успѣли мы раздѣться и начать варку пищи, какъ были

подняты по тревогѣ; нашему отряду было приказано немедленно же продвинуться впередъ еще на 15 верстъ. Оказалось, что Сулейманъ-паша окопался возлѣ города Филиппополя и завязать дѣло съ войсками, бывшими впереди насъ. Дѣло было очень серьезное, такъ что надо было обязательно помочь нашимъ.

Нечего дѣлать: мы собрались и, несмотря на ночь, двинулись впередъ. Итого, въ этотъ день мы прошли около 50-ти верстъ. Въ эту ночь были отсталые, все больше съ потертыми ногами такъ что на другой день роты вступили въ дѣло не съ полнымъ числомъ рядовъ и къ тому же порядкомъ усталыя, такъ какъ въ эту ночь намъ вовсе и не пришлось отдохнуть.

Лишь только стало свѣтать, насъ повели далѣе по дорогѣ на городъ Филиппополь; говорили, что онъ въ 20-ти верстахъ отъ насъ и что тамъ идетъ горячее дѣло нашихъ передовыхъ войскъ съ Сулейманомъ. Мы шли все время по берегу красивой, широкой Марицы, прислушивались вдаль, но ничего не слышали. Люди съ болѣе хорошимъ слухомъ первые стали отличать вдаль орудійные выстрѣлы; затѣмъ и мы ихъ слышали; а немного погода выяснилась и ружейная трескотня. Дѣло шло на томъ берегу Марицы, гдѣ Сулейманъ занялъ позицію. Мы подошли довольно близко къ мѣсту сраженія, но принять въ немъ участія не могли, такъ какъ мы были на другомъ берегу, а по рѣкѣ Марицѣ въ это время шелъ ледъ. Вдругъ надъ нашими головами залетали сперва гранаты, а

вслѣдъ за ними и пули, летѣвшія въ насъ съ того берега. Только тогда увидѣли мы, гдѣ сидѣлъ непріятель: сейчасъ же живо нашъ полкъ развернулся въ боевой порядокъ, открылъ огонь и, подъ прикрытіемъ пороховаго дыма, подошелъ къ самой рѣкѣ и залегъ въ кустахъ. Турки сидѣли въ окопахъ шагахъ въ трехстахъ отъ насъ; между нами завязалась горячая перестрѣлка. Турки занялись нами и тѣмъ временемъ дали возможность немного отдохнуть нашимъ войскамъ, находившимся на той сторонѣ Марицы; этимъ мы оказали имъ большое облегченіе.

Другіе полки, шедшіе за нами, прошли дальше по дорогѣ, перешли рѣку въ бродъ и начали беспокоить Сулеймана съ тыла. Въ этотъ день его травили со всѣхъ сторонъ, какъ волка; онъ держался молодцомъ, но все-таки не выдержалъ; къ вечеру онъ снялся съ позиціи и отступилъ въ горы, а мы тотчасъ же заняли городъ Филиппополь.

Когда кончилось дѣло, я велѣлъ фельдфебелю раздѣлить между людьми водку, купленную на всякій случай въ Софіи и розлитую въ четыре большія фляги, которыя поочередно носились людьми. Фляги оказались пустыми, а кто выпилъ водку, — трудно было доискаться.

Теперь до самаго Константинополя не было для насъ ни единой преграды. Всякій изъ насъ понималъ, что нельзя останавливаться, а надо идти и идти впередъ, чтобъ не дать туркамъ оправиться, не дать имъ одуматься.

На другой же день мы выступили на Ад-

ріанополь; намъ предстояла дорога въ 150 верстъ, которую мы сдѣлали въ пять дней. Послѣднія 30 верстъ мы сдѣлали даже по желѣзной дорогѣ, забранной у непріятеля; послѣ Балканскихъ горъ, намъ показалось какъ-то странно сидѣть въ вагонахъ; мы какъ будто немного одичали.

Это было 13-го января; а 14-го утромъ великій князь главнокомандующій совершилъ свой торжественный вѣздъ въ Адріанополь. Просто глазамъ не вѣрилось, до чего быстро двигались въ то время наши военныя дѣла; еще недѣлю тому назадъ мы возились подъ Филиппополемъ съ Сулейманомъ, а теперь побѣдносно вступаемъ въ Адріанополь, казавшійся намъ тогда недоступнымъ и гдѣ-то очень далеко отъ насъ.

Нашъ полкъ стоялъ по дорогѣ вѣзда шпалерами; великій князь былъ радъ увидѣть свое дѣтище—гвардію, но сердце у него сжалось, когда онъ увидѣлъ насъ въ такомъ жалкомъ, ободраномъ видѣ; нашъ дружный отвѣтъ на его привѣтствіе показалъ ему, что нашъ духъ по прежнему бодръ, и что онъ даже окрѣпъ и закалился въ бояхъ.

Въ это утро, когда мы поджидали великаго князя, мимо насъ проѣхалъ верхомъ генераль Скобелевъ. Солдаты много про него слыхали, но ни разу его не видѣли; люди сами разобрали ружья, взяли на плечо и впились въ него глазами. Генераль каждой ротѣ сказалъ что-нибудь пріятное; на нашу роту выпали такія слова: «Слышалъ я, ребята, про вашу филиппополь-

скую побѣду, наконецъ-то мы добрались до Адрианополя, гдѣ уже 49 лѣтъ не было нашихъ знаменъ». Генераль говорилъ просто и привѣтливо; люди были въ восхищеніи отъ него.

Роты размѣстились въ городѣ по теплымъ квартирамъ. По вечерамъ солдаты выходили на улицу и становились въ кружокъ для пѣнія и пляса. Жители Адрианополя говорили, что турки всегда мрачны, никогда не поютъ и не пляшутъ. Добродушный же видъ русскаго солдатика и его постоянное хорошее настроеніе всѣхъ поражало.

19-го января великій князь во всеуслышаніе объявилъ во дворцѣ, гдѣ онъ остановился, о заключенномъ съ турками перемиріи. Узнавъ объ этомъ, нашъ ротный командиръ собралъ вокругъ себя роту, которая и не подозрѣвала, зачѣмъ ее собираютъ, и объявилъ ей объ этомъ радостномъ событіи. Люди грянули такое «ура», которое я никогда не слыхалъ и не услышу; сосѣдніе жители съ удивленными лицами выскочили на улицу.

Ротный командиръ облобызался съ фельдфебелемъ; у всѣхъ на глазахъ показались слезы и всякій изъ насъ подумалъ въ это время о своемъ семействѣ и о погибшихъ товарищахъ, которые уже не могли порадоваться вмѣстѣ съ нами. Ротный командиръ приказалъ раздать людямъ пудъ русскаго махорки, полученный отъ Краснаго Креста и дать имъ по стакану ракии (болгарская водка).

Въ условіе перемирія входило, чтобъ всѣ наши

войска подошли къ Константинополю и стояли бы тамъ до тѣхъ поръ, покуда не будетъ подписанъ форменный миръ. Нѣсколько дней спустя послѣ перемирія, всѣ войска потянулись на югъ, къ Константинополю. Съ каждымъ днемъ дѣлалось все теплѣе и теплѣе; кое гдѣ, несмотря на январь мѣсяцъ, стала показываться свѣжая травка; въ воздухѣ уже слышалось пѣніе жаворонка, скворцы табунились тысячами; но самыми пріятными для насъ птицами были чайки, потому что онѣ предвѣщали намъ скорый выходъ къ теплomu Мраморному морю. Мы шли до этого моря девять дней и все время мечтали о свѣтломъ будущемъ.

Наконецъ, мы добрались до моря; пріятно было, послѣ постылыхъ Балканскихъ горъ, услышать плескъ морскихъ волнъ, пріятна была та мысль, что дальше уже некуда идти. Сдѣлавъ еще нѣсколько веселыхъ переходовъ вдоль берега моря, мы дошли до мѣстечка Санъ-Стефано, отстоящаго недалеко отъ Константинополя, гдѣ насъ встрѣтилъ великій князь Николай Николаевичъ. Съ музыкой, съ пѣснями, имѣя великаго князя во главѣ, вошли мы въ Санъ-Стефано и размѣстились тамъ по квартирамъ.

Этимъ днемъ оканчивается наша походная жизнь. Въ Санъ-Стефано былъ подписанъ, 19-го февраля 1878 г., миръ съ Турціей; въ Санъ-Стефано пришлось намъ простоять довольно долго, покуда не были вполне выяснены наши дѣла съ Турціей; въ Санъ-Стефано происходила

нагрузка нашего полка на пароходъ для отъѣзда на родину.

Насъ повезли въ Россію моремъ на Севастополь, гдѣ намъ сдѣлалъ смотръ Государь Александръ Николаевичъ. Всѣ наши походныя лохмотья были брошены въ Турціи и мы снова приняли нашъ прежній Петербургскій видъ. Опять потащили насъ по желѣзной дорогѣ такъ же тихо, какъ годъ тому назадъ, когда насъ везли въ Турцію; опять попали мы, какъ и годъ тому назадъ, на арбузный пиръ-горой; опять заигралъ на станціяхъ рожокъ, сзывавшій разбѣжавшихся людей; опять появились на станціи, при нашемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, наши родные, знакомые, солдатскія жены.

Входъ полка въ столицу былъ торжественный; всѣ люди безъ исключенія были увѣшаны вѣнками, которые имъ подавали со всѣхъ сторонъ. Нашу ротную собаку Шарика, продѣлавшаго съ нами весь походъ, тоже кто-то обмоталъ цвѣтами; войдя вмѣстѣ съ ротой на баталіонный дворъ, онъ побѣждалъ прямо въ свою казарму. Одинъ солдатикъ выразился про него такъ: «Ишь, подлецъ какой; даромъ что собака, а понятіе имѣеть».

1913

I. Отдѣлъ религіозно-нравственный.

Чему училъ Иисусъ Христосъ 8 к. Слава Его на землѣ 8 к. Уничженіе Его на землѣ 8 к. Церковь со временъ Апостоловъ 15 к. Божія Матерь 10 к. Богослуженіе 10 к. Вел. постъ 8 к. Василій В. 6 к. Григорій Богословъ 6 к. Іоаннъ Златоустъ 6 к. Николай Чудотворецъ 8 к. Ксенофонтъ и Марія 8 к. Кириллъ и Меѳодій 8 к. Стефанъ Пермскій 5 к. Св. Митрофанъ 5 к. Димитрій Ростовскій 5 к. Св. Тихонъ 6 к. Феодосій Углицкій 8 к. Трифонъ 10 к. Св. Нина 6 к. Іоаннъ Дамаскинъ 3 к. Алексій челоѣкъ Божій 5 к. Серафимъ Саровскій 10 к. Митр. Платонъ 5 к. Анна Кашинская — к. Старецъ Амвросій 7 к. Иннокентій 10 к. Св. земля 12 к. Богомольцы въ Св. Землѣ 20 к. Богомольцы на Синаѣ 12 к. Богомольцы у святыхъ Кіева. Лавра 20 к. Тожь. Старый Кіевъ 10 к. Троицко-Сергіева лавра 10 к. Почаевская лавра 8 к. Балаамская обитель 8 к. Бѣлозерскій монастырь 8 к. Соловецкая обитель 8 к. Нов. Іерусалимъ 8 к. Борисоглѣбскій монастырь 5 к. Ростовъ и его святыни 15 к. Святыни Вильны 10 к. Монастыри въ Кремль 7 к. Святыни Чернигова 8 к. Святыни Новгорода 15 к. Изгнѣненіе женщины 15 к. Храмъ въскресенія Христова 8 к. Христіанская община въ наше время 10 к.

II. Отдѣлъ историческій.

Начало христіанства на Руси 6 к. Сынѡвья Владиміра 6 к. Владиміръ Мономахъ 10 к. Нашествіе татаръ 7 к. Александръ Невскій 7 к. Мамаево побоище 8 к. Іоаннъ III 10 к. Елена Іоанновна 10 к. Іоаннъ Грозный 10 к. Начало книгопечатанія 5 к. Смутное время 12 к. Патріархъ Филаретъ 8 к. Событія Смутаго времени. Водареніе Дома Романовыхъ 50 к. Бояринъ мученикъ 15 к. Михайлъ Ѳеодоровичъ 6 к. Михайловичъ Алексій 6 к. При-

соединеніе Малороссіи 7 к. Петръ Великій 25 к. Чему училъ Петръ Великій народъ 8 к. Преемники Петра Великаго 10 к. Екатерина II 7 к. Суворовъ 7 к. Потемкинъ 8 к. Александръ I 8 к. Народная война 20 к. 1812 г. по Л. Толстому 40 к. Николай I 8 к. Севастопольцы 8 к. Уніаты 15 к. Александръ II 15 к. Походъ въ Турцію 78 г. 10 к. Александръ III 5 к. Милостъ Божія 5 к. Священ. Коронованіе 5 к. Петербургъ за 200 лѣтъ 15 к. Движеніе Россіи на Д. Востокъ 10 к. Какъ погибъ кр. «Рюрикъ» 5 к. Россія за 3 вѣка (1613—1913)—15 к. Крестовые походы 15 к. О театрѣ 15 к. Іоанна д'Аркъ 10 к. Христ. Колумбъ 4 к. Історія Пруссіи 15 к. Історія Франціи 25 к. Історія Англіи 20 к. Червоная Русь 15 к. Балканскіе славяне. Історія Італіи — к.

III. Географія и этнографія.

А. РОССІЯ. Архангельскій край 10 к. Астраханская губ. 8 к. Бессарабія 8 к. Бѣлорусскій край 8 к. Киргизы 6 к. Волга 12 к. Вологодскій край 8 к. Восточныя окраины 10 к. Гора Араратъ 10 к. Западн. Сибирь 8 к. Кавказъ 15 к. Какъ живутъ Литовцы 6 к. Сѣверъ и его просвѣтителѣ 8 к. Крымъ 10 к. Кубанская обл. 7 к. Ладожское озеро 10 к. Москва 25 к. Н.-Новгородъ и Нижегород. край 10 к. Олонецкій край 10 к. Петербургъ 20 к. Сибирскій путь 8 к. Тамбовская старина 8 к. Уралъ 6 к. Финляндія 8 к. Средняя Азія 10 к.

Б. ЧУЖІЕ КРАЯ. Абиссинія 10 к. Австралія 12 к. Америка 8 к. Буря 8 к. Венгрія 8 к. Греція 8 к. Голландія 7 к. Египетъ 5 к. Італія 10 к. Испанія 10 к. Индія 8 к. Китай 8 к. Лондонъ и англичане 8 к. Манчжурія 5 к. Персія 10 к. Турція 8 к. Франція 10 к. Швеція 8 к. Норвегія 8 к. Японія 15 к. Швейцарія 6 к.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ ВЪ РОМАНАХЪ И ПОВѢСТЯХЪ.

Послѣдовательная Хрестоматія.

Книга первая — Отъ Смутаго времени до Петра Великаго 40 к.
Книга вторая — Время Петра Великаго 35 к.

СБОРНИКИ СТИХОТВОРЕНІЙ.

(Для прочтенія дома, въ школахъ и въ народныхъ аудиторіяхъ).

I. «Хвала Богу». Изд. 2-е. 25 к. II. Разказы духовно-нравственнаго содержанія. Съ 5 картин. въ текстѣ 15 к. III. «Слава родной земли». Событія изъ русской исторіи. Гимны и пѣсни славы 12 к. IV. Пѣсни и бытовья стихотворенія 10 к. V. Сказки и были 15 к.

Книгопродавцамъ обычная уступка. Пересылка изданій покупателямъ, не пользующимся скидкой, принимается на счетъ Коммисіи.

*Библиотечка изъ 250 названій для школъ 20 р.
Общая библиотечка для подростковъ и взрослыхъ 300 названій—25 р. Полная библиотечка 500 названій 50 руб., два варианта: а) общая б) для войск, только для выписывающихъ непосредственно изъ Коммисіи.*

Для школьныхъ и народныхъ чтеній полный наборъ 300 предметовъ 75—рублей.

1) Проекціонный фонарь «Діана». 2) Лампа спиртокалильная «Сильва». 3) 284 картины и портрета. 4) Брошюры и объяснительные тексты. 5) 3 рамки. 6) Хромотропъ.

Составленіе ученическихъ, учительскихъ, волостныхъ и сельскихъ библиотекъ на разныя цѣны отъ 5 до 100 рублей.